

МЕНЕКСЕНЪ.

МЕНЕКСЕНЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

Однимъ изъ превосходнѣйшихъ постановленій въ афинской республикѣ было ежегодное, торжественное поминаеніе падшихъ на войнѣ Аѳинянъ. Оно имѣло, правда, характеръ торжества не столько религіознаго, сколько гражданскаго, и больше льстило житейскому тщеславію человѣка, чѣмъ сколько окрыляло душу загробными надеждами; однакожь, мысль вступающаго въ битву Аѳинянина, что отечество почтитъ его подвигъ всенародными похвалами, и будетъ сопровождать его память своими благожеланіями за самые предѣлы гроба, не могла не питать и не поддерживать патріотическихъ его стремленій. Установленіе этого праздника риторъ Анаксименъ у Плутарха (Роріс. § 9, р. 102 А) приписываетъ Солону; а другіе, вмѣстѣ съ Діодоромъ сицилійскимъ (XI, 33) и Діонисіемъ (Archaeolog. II, 291) начало его относятъ ко временамъ персидской войны. Обрядъ совершенія поминаенія убитыхъ въ сраженіи воиновъ описывается у Фукидида (II, 34) слѣдующимъ образомъ: «Кости покойниковъ, говоритъ онъ, выставляютъ въ построеной за три дня палаткѣ, въ которую вмѣстѣ съ тѣмъ каждый приносить что-нибудь отъ себя, если ему угодно. По окончаніи такого сноса, вывозятся на колесницахъ кипарисныя урны, — по одной изъ всякой филы, — заключающія въ себѣ тѣ или другія кости, смотря по филѣ, къ которой кто принадлежалъ. Приносится также и одинъ порож-

ній одръ, посланный для тѣхъ умершихъ, которые не были найдены на полѣ битвы и не унесены. Кто хочетъ, сюда же приносить кости горожанъ и иностранцевъ. Приходятъ и женщины, принадлежащія къ обществу надгробныхъ плакальщицъ. Привезенныя урны кладутъ въ общественную могилу, въ самомъ лучшемъ предмѣстїи города, и всякій разъ, кромѣ убитыхъ при Мараѳонѣ, погребаютъ въ ней всѣхъ падшихъ на войнѣ; ибо, отличая блестящее мужество мараѳонскихъ подвижниковъ, Аѳиняне для нихъ-то и устроили эту могилу. По погребенїи же въ землѣ упомянутыхъ костей, избранный отъ города человѣкъ, съ умомъ, здравымъ смысломъ и гражданскимъ достоинствомъ, говоритъ надъ ними приличное похвальное слово; а затѣмъ расходятся.» Такой обычай, по свидѣтельству Димосѳена (*adv. Leptin. p. 399 R*), существовалъ только у Аѳинянъ; въ исторїи другихъ греческихъ республикъ ничего подобнаго не находимъ (см. *Wolf. ad Leptin. p. 362*). Да и Римляне убитымъ своимъ воинамъ торжественнаго погребенїя не дѣлали, а совершали погребенїе частное (*Ernesti de panegyrica eloquentia Romanorum aureae actatis in Opuscul. orat. et philol. p. 175 sqq.*).

Аѳинскїе ораторы при погребальныхъ случаяхъ, кажется, издавна любили съ похвалами умершимъ соединять похвалы ихъ предкамъ, и такимъ образомъ значенїе похвальныхъ своихъ рѣчей болѣе или менѣе распространять на многихъ. (Объ этомъ не безъ основанїя можно заключать изъ словъ Перикла у Фукидида (II, 36). И здѣсь-то, между прочимъ, риторы и софисты въ послѣдствїи открыли себѣ обширное поле, на которомъ могли выказывать свои дарованїя и прославлять свою науку, —особенно съ того времени, какъ всенародно произнесъ надгробное слово Горгіасъ леонтинскїй (*Philostrat. vit. Sophist. 1, 9. снес. Fuss. De Gorgia leontin. p. 64 sqq.*). Впрочемъ, хотя содержанїе такихъ рѣчей было обширно, однакожь оно не могло много разнообразиться; а потому ораторы недостатокъ его разнообразїя должны были вознаграждать новостїю оборотовъ и блескомъ выраженїй. — вообще изысканностїю формы, и

этимъ особенно способомъ старались вызвать одобреніе и рукоплесканія народнаго собранія. Но отсюда результатъ былъ таковъ, что дѣйствительная исторія событій оставалась только канвою искусства ораторскаго. Главное вниманіе обращалось уже не на то, что и какъ происходило, а на то, что въ какихъ формахъ высказано. Народъ жаждалъ похвалъ, надлежало лелѣять его тщеславіе, — и историческіе факты должны были расширяться, или суживаться, показывать ту или другую сторону, по требованію льстивой фразы декламатора. Это требованіе такъ властвовало надъ истиною событій, что если она не могла нравиться народу, то заставляли ее молчать; а когда въ ней было меньше благопріятнаго, чѣмъ неблагопріятнаго слушателямъ, — немногому и маловажному сообщали особенную выпуклость, главное же и самое замѣтное оставляли въ тѣни, либо непріятную правду прикрашивали пріятнымъ вымысломъ. Примѣры такого свободнаго ораторства собралъ еще риторъ Цецилій, о которомъ говоритъ Воссій (*De Histor. Gr.* p. 178 sq:), и который, по свидѣтельству Свиды, писалъ *περί τῶν κατ' ἱστορίαν ἢ παρ' ἱστορίαν εἰρημένων τοῖς ρήτοσι*. Это сочиненіе Цецилія, къ сожалѣнію, до насъ не дошло; но наше мнѣніе о надгробныхъ ораторскихъ рѣчахъ не менѣе подтверждается и сохранившимися памятниками краснорѣчія греческихъ панигиристовъ. Извѣстно, что и Исократъ въ похвальной своей рѣчи не всегда вѣренъ истинѣ (*Benseler. opp. Isocrat. german. vers. t. 1, p. 13 sqq. praefat.*), и Лизіасъ въ своей эпитафії не соблюлъ столько строгости, чтобы не пожертвовать кое-чѣмъ ораторскому искусству (*Schönborn p. XIV*); а о надгробной рѣчи, приписываемой Димосѣену, и говорить нечего (*Taylor lectt. lysiac. c. III*).

Такое-то похвальное слово надъ могилою падшихъ въ битвахъ воиновъ написалъ и Платонъ отъ лица Сократа. Въ этой эпитафії Сократъ обозрѣваетъ подвиги Аѣниянъ съ первыхъ временъ историческаго существованія Аттики, и доводитъ свое обозрѣніе до времени анталкидскаго мира, т.-е. до 2-го года 98-й олимпіады, или до 387 года предъ Р. X. По содер-

Соч. Плат. Т. IV.

жанію и языку, Сократова рѣчь есть не иное что, какъ пародія рѣчей, произносимыхъ современными Платону ритораміи. Въ ней многія событія военной и гражданской жизни Аѳинянъ изображены невѣрно, нѣкоторыя описаны несогласно съ хронологіею; но всѣ представлены такъ, что клонятся къ похвалѣ аѳинскаго народа и потворствуютъ его славолюбію. А чтобы эта пародія была полнѣе, ораторъ не жалѣетъ въ ней никакихъ внѣшнихъ украшеній и, подражая Горгіасу, скучиваетъ тропы и фигуры, непрестанно щеголяетъ антитезами и искусственнымъ сближеніемъ словъ для составленія болѣе эффектной фразы. У него тотчасъ являются такъ называемыя *παρισώσεις*, *παρομιώσεις*, *δροιοκατάληκτα* и проч., и все это переплетается поэтическими блестками, каковы — *πόνων ἀρωγή* (о маслѣ), *πληαί τροφῆς* (о молокѣ), *μισός ἐντέτμη τῇ πόλει*, и другія тому подобныя.

Разсматривая съ этой стороны произнесенную Сократомъ надгробную рѣчь, не вдругъ можно понять, чего хотѣлъ достигнуть ею Платонъ. Неужели намѣреніе его было только передразнить современныхъ ему раторовъ? Но въ такомъ случаѣ нельзя было бы объяснить себѣ того высокаго понятія Аѳинянъ о его рѣчи, какое впоследствии выразили они своимъ требованіемъ, чтобы эта рѣчь, какъ свидѣтельствуеть Цицеронъ (Orat. с. 44), всякій годъ торжественно читана была въ честь убитыхъ въ сраженіи воиновъ. Видно, позднѣйшіе Аѳиняне, не менѣе жаждавшіе похвалъ, какъ и ихъ предки, находили ее лучшею, чѣмъ сочиненія другихъ писателей въ томъ же родѣ (снес. *Dionys. II*, р. 40. *Hermogenes De Id. II*, 10). Видно, не замѣчая въ ней скрытаго тона насмѣшливости, они удивлялись какимъ-то хорошимъ ея качествамъ. Что же именно въ рѣчи Платона могло нравиться имъ больше, чѣмъ въ рѣчахъ другихъ ораторовъ? Они слышали въ ней тѣ же преувеличенныя похвалы, тѣ же особенности выраженія, тѣ же искусственные обороты краснорѣчія, то же изысканное сближеніе словъ,—слышали все это и восхищались ею, какъ памятью вѣстника, перечислявшаго имъ славные ихъ подвиги: но въ этомъ перечисленіи сверхъ того замѣчали они

больше ясности, раздѣльности и послѣдовательности,—замѣчали правильное движеніе, гармонію, методу, чего не находили въ другихъ подобныхъ рѣчахъ,—и потому предпочитали ее всѣмъ прочимъ (*Schönborn* I. с.). Если это предположеніе можно принять, какъ вѣроятное, то рѣчь Сократа въ Платоновомъ Менексенѣ должна была имѣть такое же отношеніе къ эпитафіямъ другихъ ораторовъ, какое первая рѣчь Сократова въ Платоновомъ Федрѣ имѣетъ къ эротической рѣчи Лизіаса. Содержаніе обѣихъ этихъ рѣчей, какъ извѣстно, одно и то же: однакожь, когда Сократъ, по прочтеніи рѣчи Лизіасовой, произнесъ свою о томъ самомъ предметѣ,—Федръ нашелъ ее далеко лучше первой. Между тѣмъ превосходство Сократовой рѣчи заключалось отнюдь не въ содержаніи, а только въ логической правильности, то-есть въ точномъ опредѣленіи предмета, въ естественномъ расчлененіи его и въ послѣдовательномъ раскрытіи каждой его части. Но всѣми качествами, которыми рѣчь Сократа въ Федрѣ превосходитъ Лизіасову, отличается и рѣчь, произнесенная имъ въ память убитыхъ въ сраженіи воиновъ: и здѣсь тотъ же самый предметъ, который раскрывали другіе ораторы смѣшанно, неопредѣленно и темно, Сократъ раскрылъ методически, т.-е. строго держась основныхъ правилъ логическаго мышленія, чему, говоритъ, научился онъ у Аспазіи и Кюнна. Можно даже полагать, что, готовя своего Менексена, Платонъ имѣлъ въ виду именно надгробное слово Лизіаса, которое должно было быть издано имъ немного ранѣе Платоновой эпитафіи и находилось тогда у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Этой догадки держутся Кеппенъ, Шлейермахеръ и Шенборнъ, и догадка ихъ мнѣ нравится. Весьма вѣроятно, что Федра и Менексена Платонъ поставлялъ въ одинаковое отношеніе къ Лизіасу, только первый подалъ Платону случай доказать, что Лизіасъ не умѣетъ писать рѣчи эротическія, а послѣдній,— что ему неизвѣстны правила составленія рѣчей надгробныхъ (*Socherus de scriptis Platonis* p. 328 sq.). Такимъ образомъ Платонъ въ своемъ Менексенѣ, при одномъ и томъ же направ-

ленія сочиненія, достигъ двоякой цѣли: во-первыхъ, искусно показавъ, что современные ему писатели часто измѣняютъ истинѣ, и потому только удостоиваются одобренія, что хвалятъ Аѳинянъ въ присутствіи самихъ Аѳинянъ; во-вторыхъ, ясно и практически научилъ, какъ надобно прилагать правила хорошей методы къ составленію эпитафій.

При такомъ взглядѣ на Платонова Менексена, легко рѣшаются всѣ недоумѣнія, заставляющія нѣкоторыхъ критиковъ сомнѣваться въ подлинности и внутреннемъ достоинствѣ этого сочиненія. Читая его, люди ученые иногда удивлялись, какъ это Платонъ столь невѣрно пересказываетъ въ немъ самыя извѣстныя историческія событія. Но онъ намѣренно не хотѣлъ передавать ихъ съ историческою точностію; онъ и не думалъ исправлять вздорные рассказы ораторовъ, а напротивъ старательно подражалъ имъ и, чтобы свою насмѣшку сдѣлать замѣтнѣе, еще увеличивалъ лживость ихъ сказаній. Такъ должно думать и о пестротѣ его языка. Въ Федръ (р. 266) онъ сильно смѣется надъ такою пестротою; слѣдовательно здѣсь, въ Менексенѣ, допускаетъ ее въ значеніи шутки надъ усиленіемъ софистовъ — прикрашивать ею уродливость фактовъ. Еслибы такъ понималъ Менексена и Діонисій галикарнасскій, то не сталъ бы порицать Платона за отступленіе отъ истины (см. Т. VI, р. 1027 sqq.) и столь жестоко нападать на него: тогда онъ увидѣлъ бы, что Платонъ все это говорилъ, желая пошутить надъ лживостію современныхъ ораторовъ.

При такомъ взглядѣ на Платонова Менексена, не покажется страннымъ и признаніе Сократа, что рѣчь, которую намѣренъ онъ произнести, заимствована имъ у Аспазіи. Въ лицѣ Аспазіи онъ видитъ женщину не только краснорѣчивую (*De Aspasiae facundia* v. Fr, *Jacobs Vermischte schriften* T. IV, р. 383 sqq.), но и проницательную, съ тонкимъ умомъ, чуткимъ вкусомъ и философскимъ образованіемъ (*Groen van Prinsterer Protopogr. Plat.* р. 124 sqq., р. 141), — такую женщину, которая имѣетъ способность вдругъ замѣчать, что говорится въ

порядкѣ, и что нѣтъ. По смыслу Сократовыхъ разсужденій, того-то и недоставало Лизіасу и другимъ современнымъ ему ораторамъ, что они не учились у Аспазіи, не обладали ея инстинктомъ чувствовать прекрасное, происходящее отъ строгой методы изложенія предметовъ, которая всякому смѣшенію сообщаетъ раздѣльность, все неопредѣленное опредѣляетъ и все темное дѣлаетъ яснымъ. Сократъ очень пріятно шутить, говоря, что и Периклъ надгробную свою рѣчь сложилъ чуть не подъ диктовку Аспазіи. Но извѣстно, что о Перикловой эпитафій онъ имѣлъ высокое понятіе, смотря именно на логическую стройность ея изложенія (Phaedr. p. 270 sqq.). Слѣдовательно, и здѣсь, намѣреваясь произнести рѣчь, заимствованную у Аспазіи, онъ намекаетъ не на иное что-либо, какъ на методу, по которой должны быть излагаемы надгробныя рѣчи. И въ самомъ дѣлѣ, если внимательно разсмотримъ ходъ Платоновой эпитафій въ Менексенѣ и сравнимъ его съ порядкомъ Перикловой рѣчи у Фукидида, то замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи одна отъ другой немного отличается. Изобразивъ кратко доблесть предковъ (Thucyd. II, с. 36), Периклъ потомъ прибавляетъ: «Показавъ такое стремленіе ихъ, перейдемъ и къ тому, каково было ихъ общество, каковы нравы, содѣйствовавшіе ихъ величію. Разсмотрѣвъ же это, приступимъ затѣмъ и къ похвалѣ умершихъ воиновъ.» Почти такой же порядокъ рѣчи предначертывается и въ Менексенѣ (p. 237 A): «Мнѣ кажется и хвалить ихъ надобно такъ, какъ они родились добрыми, то-есть по природѣ; а добрыми родились они потому, что родились отъ добрыхъ. Итакъ, сперва будемъ величать ихъ благородство, потомъ питаніе и образованіе; а затѣмъ укажемъ на совершенныя имидѣла, сколь прекрасными и достойными ихъ оказались они.» Сходство предначертываемыхъ плановъ въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ очевидно. Поэтому ссылка Сократа на содѣйствіе Аспазіи, способствовавшей развитію Периклова таланта, нисколько не представляется странною.

Къ мнимымъ странностямъ въ содержаніи Платонова Менексена Шлейермахеръ относитъ и то, что надгробной рѣчи

въ немъ предшествуетъ разговоръ Сократа съ Менекееномъ, будто бы неимѣющій къ цѣлому никакого существеннаго отношенія. Но еслибы въ Менексенѣ не было этой бесѣды, мы дѣйствительно не могли бы понять цѣли Платоновой эпитафіи и объяснить многія, встрѣчающіяся въ ней несообразности. Разговоръ-то именно и показываетъ какъ побужденіе произвести надгробную рѣчь, такъ и цѣль, которой Сократъ хотѣлъ достигнуть ею; изъ разговора-то и видно, что приступая къ изложенію эпитафіи, Платонъ поставилъ себѣ задачу показать, въ чемъ должно состоять истинное достоинство рѣчи ораторской, и вмѣстѣ съ тѣмъ посмѣяться надъ преувеличенными похвалами и нелѣпыми вымыслами народныхъ декламаторовъ, а особенно Лизіаса. Имя этого оратора въ Менексенѣ, конечно, не упомянуто; но упоминать о немъ, собственно говоря, не было и надобности, когда Сократа, умершаго за тринадцать лѣтъ до времени владычества тридцати тиранновъ, Платонъ заставляетъ говорить объ этомъ событіи именно потому, что имъ оканчивается надгробная рѣчь Лизіаса. Самый этотъ анахронизмъ есть лучшее указаніе на то лицо, противъ котораго философъ направляетъ свою эпитафію. Дѣйствительно, можно ли думать, чтобы Платонъ или не зналъ преемства современныхъ себѣ событій, или, по какой-то странной опрометчивости, не обращалъ вниманія на то, какъ они слѣдовали, что неумышленно позволилъ себѣ такой анахронизмъ? Нѣтъ, никогда ничего не говорилъ онъ безъ цѣли; такъ что даже кажущіяся погрѣшности въ развитіи его діалоговъ были предварительно рассчитаны и допущены по извѣстнымъ, сознательно представляемымъ причинамъ. Зачѣмъ ему было прямо указывать на Лизіаса? Это могло бы возбудить въ ораторѣ личную ненависть. Онъ призналъ за лучшее заставить умершаго уже Сократа говорить о написанной послѣ него рѣчи, чтобы слушатели сами догадались, кѣмъ она написана, и видѣли, кого дѣло касается.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ характеръ, направленіе и цѣль Платонова Менексена, мы не находимъ въ немъ ничего,

что было бы недостойно имени великаго греческаго философа, и потому никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Аста, будто бы это сочиненіе надобно почитать подложнымъ. Асть говоритъ, что въ Менексенѣ нѣтъ того изящества и благородства рѣчи, какое замѣчается въ подлинныхъ сочиненіяхъ Платова. Но для опредѣленія подлинности его сочиненій недостаточно однихъ этихъ признаковъ. Нельзя не согласиться, что Платонову генію въ тогдашнія времена республики свойственно, даже почти необходимо было приходиться въ столкновение съ софистами и риторамы и смѣяться надъ ихъ хвастовствомъ, лживостью и тщеславіемъ; а въ такомъ случаѣ рѣчь его не могла не ниспускаться ниже обыкновеннаго своего полета и не запутываться въ мелочи, чтобы предохранить согражданъ отъ губельнаго вліянія софистики. Притомъ отвергать подлинность Менексена значило бы почти сомнѣваться и въ подлинности Федра, съ которымъ это сочиненіе находится въ самой тѣсной связи. Но Федръ всегда и всѣми приписываемъ былъ Платону; слѣдовательно, ему же долженъ быть усвоенъ и Менексенъ. Надобно также уступить и авторитету древнихъ свидѣтелей, которыми это сочиненіе постоянно признаваемо было за Платоново. Такъ, напримѣръ, Аристотель, (*Rhetor.* 1, 9. III, 14) говоритъ: ὁ λέγει Σωκράτης ἐν τῷ ἐπιταφίῳ. О Менексенѣ, какъ твореніи Платона, упоминаютъ, кромѣ того, *Dionys. Hal.* Т. VI, р. 1627 sqq. *De composit. verbor.* р. 116. *Athen.* XI, р. 506. *Plutarch.* vit. Pericl. Т. 1, р. 638, *Reisk. Cicer. Tusc.* v. 12, etc.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ И МЕНЕКСЕНЪ.

234. *Сокр.* Съ площади, или откуда Менексенъ ¹?

Мен. Съ площади, Сократъ, и изъ совѣта.

Сокр. Зачѣмъ же ты въ совѣтъ? Впрочемъ, не явно ли, что считаешь себя достигшимъ совершенства въ образованіи и философіи ² и, сознавая въ себѣ уже довольно силъ, думаешь обратиться къ большему; находясь еще въ такомъ возрастѣ ³, намѣреваешься, почтеннѣйшій, начальствовать надъ

¹ Или откуда Менексенъ? ἢ πόθεν Μενέξενος. Здѣсь именительный Μενέξενος, употребленъ отнюдь не вмѣсто звательнаго, а такъ, какъ бы подразумѣвающейся глаголь стоялъ въ третьемъ лицѣ. Подобнымъ образомъ у Горация (Serm. II, 4, 1): unde et quo Satius? Поэтому предъ Μενέξενος не должно быть запятой.

² Подъ словомъ «философія» въ этомъ мѣстѣ разумѣется образованіе ума вообще науками и искусствами, которыхъ изученіе приготавлило афинскаго гражданина къ принятію участія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ этомъ смыслѣ и Исократъ (ad Demonic. p. 4, ed. Reisk.) употребляетъ слово: φιλοσοφείν: «Ты желаешь образованія; а я берусь образовать другихъ. У тебя есть способность философствовать; а я поправляю философвъ».

³ Находясь еще въ такомъ возрастѣ, τηλικούτου ἔτι. Афинскіе юноши, выслушавъ тѣ науки, которыя преподаваемы были отрочеству, на 18 году почитаемы были уже эфебами и поступали въ разрядъ гражданъ, способныхъ носить оружіе (ληξιαρχικοί). Съ этого времени они начинали пользоваться правами общественныхъ дѣятелей, имъ позволялось жениться, входить въ судъ, принимать наслѣдство, обвинять другихъ и пр. Но участвовать въ народныхъ собраніяхъ могли они, кажется, не прежде 20 года (Platner. Symbol. ad jus Attic., p. 172 sqq.). Изъ этого видно, въ какомъ возрастѣ находился Менексенъ, вступившій теперь въ разговоръ съ Сократомъ.

нами, стариками, чтобы вашъ домъ ¹ никогда не переставалъ давать намъ какого-нибудь попечителя. В.

Мен. Постараюсь, если только ты позволишь, Сократъ, и посовѣтуешь начальствовать; а когда нѣтъ,—не будетъ это го. Теперь же я ходилъ въ совѣтъ, получивъ извѣстie, что тамъ намѣрены были избрать человѣка, имѣющаго говорить на случай ² убитыхъ въ сраженіи воиновъ. Вѣдь ты знаешь, что готовится имъ торжественное погребеніе ³.

Сокр. Конечно; кого же избрали ⁴?

Мен. Никого; отложили на завтра. Впрочемъ, будетъ избранъ, думаю, Архинъ, либо Діонъ ⁵.

Сокр. Такъ-то вотъ, Менексенъ, должно быть, по многимъ С. причинамъ хорошо умереть на войнѣ: и погребеніе сдѣлають прекрасное и пышное, хотя бы кто умеръ бѣднякомъ; и почтутъ похвалами, хотя бы былъ человѣкомъ пустымъ. А будутъ хвалить мужи мудрые и хвалящіе не наобумъ, но приго-

¹ *Вашъ домъ.* Менексенъ былъ сынъ Димофона пелійскаго, какъ это видно изъ Платонова Лизиса (р. 206 D), гдѣ упоминается о двоюродномъ братѣ Менексена, Ктизиппѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Ктизиппомъ Менексенъ былъ въ темницѣ Сократа въ день его смерти (см. Phaed. р. 59 B). Отсюда видно, что онъ принадлежалъ къ числу самыхъ преданныхъ учениковъ сына Софронискова, и потому нисколько не странно дальнѣйшія его слова: «постараюсь, если только ты позволишь».

² *Будетъ говорить на случай убитыхъ въ сраженіи воиновъ* — ἐρεῖ ἐπὶ τοῖς ἀποθνήσκουσιν. Небезполезно замѣтить особенное сочиненіе глагола ἐρεῖ съ предлогомъ ἐπὶ. Ἐρεῖν или λέγειν ἐπὶ τινί—значить стать на что-нибудь и говорить о томъ, на чемъ стоишь. Отсюда λόγοι ἐπιτάριοι... Отсюда у насъ: *слово на день...*

³ *Готовится торжественное погребеніе* — μέλλουσι ταφὰς ποιεῖν. Этого выраженія не должно смѣшивать съ глаголомъ: θάπτειν: ταφὰς ποιοῦσι — старѣйшины, утверждающіе погребальную церемонію; а θάπτουσι — тѣ, которые погребаютъ, или закапываютъ тѣло. Здѣсь указывается на аѳинскій законъ ежегодно совершать торжественное поминовеніе по убитымъ въ сраженіяхъ воинамъ. *Thucyd.* II, 34.

⁴ *Кого же избрали?* Ораторовъ, для произнесенія рѣчей на торжественные случаи, въ Аѳинахъ избирали сенаторы и народъ. *Demosth. de coron.* р. 320, edit. Reisk.

⁵ Объ этихъ ораторахъ упоминаетъ также *Dionysius de admir. vi Demosth.* р. 1627. Изъ Архиновой надгробной рѣчи многое внесъ въ свой папиририкъ Исократъ. По крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуетъ *Photius* (cod. CCLX, р. 794 et p. 490).

товляющіе рѣчи задолго ¹; и хвалятъ они такъ хорошо, что
 235. говорятъ все, что къ кому идетъ и не идетъ, и какъ-то изящно разцвѣчивая рѣчь словами, обворожаютъ наши души. Они всячески превозносятся и городъ, и умершихъ на войнѣ, и всѣхъ прежнихъ нашихъ предковъ, и насъ самихъ, еще продолжающихъ жить; такъ что, хвалимый ими, я, Менексенъ, сильно возношусь духомъ и каждый разъ, слушая ихъ, стою какъ очарованный: мнѣ представляется, что въ ту минуту я сдѣлался
 В. и больше, и благороднѣе, и прекраснѣе. Притомъ, замною почти всегда слѣдуетъ и вмѣстѣ со мною слушаетъ толпа иностранцевъ, и я тогда бываю для нихъ почтеннѣе; ибо, убѣждаемые говорящимъ, и они, мнѣ кажется, такимъ же образомъ смотрятъ какъ на меня, такъ и на весь городъ, то-есть, почитаютъ его болѣе удивительнымъ, чѣмъ прежде. И эта
 С. почетность остается при мнѣ болѣе трехъ дней: рѣчь и голосъ говорящаго такую флейтою звучать въ ухахъ, что едва на четвертый, или на пятый день я бываю въ состояніи опомниться и почувствовать, гдѣ я на землѣ, а до того времени думаю только, не на островахъ ли я блаженныхъ душъ. Такъ ловки у насъ риторы!

Мен. Ты, Сократъ, всегда шутишь надъ риторамы. Впрочемъ, тотъ, кого изберутъ теперь, будетъ говорить, думаю, неслишкомъ свободно; потому что избраніе совершится все неожиданно ², такъ что говорящему, можетъ быть, необходимо будетъ говорить прямо, безъ приготовления.

¹ *Приготовляющіе рѣчи задолго.* Эта похвала ораторамъ есть колкая насмѣшка надъ тѣми изъ нихъ, которые, желая пощеголять своими рѣчами въ торжественныхъ собраніяхъ, писали ихъ задолго такъ, чтобы онѣ годились на всякій случай, т. е. наполняли ихъ похвалами аѣнскому народу и общинами мѣстами, дѣлали множество эпизодовъ и пестрили свое слово вычурными оборотами и выраженіями.

² *Совершится неожиданно—* ἐξ ὑπογυίου γέγονεν. Grammaticus Beckeri anecdot. I, p. 313, ὑπόγειον: τὸ παραυτίκα μέλλον γίνεσθαι. *Eustath.* ad Iliad. v. 61, 920, 32: δῆλον δὲ, ὅτι παρὰ τὰ γυία, ὁ τὰς χεῖρας ἰδίᾳ δηλοῖ πολλαχού, γίνεται καὶ ἡ ἐγγύη, ἢ ὡσανεὶ ἐν χερσὶ τίθεισα τὸ κατεγγυηθέν, καὶ τὸ ὑπόγειον, ὃ ἐξ ὑπογυίου λέγεται, τὸ ἐγγύς; φασί, προσδοκίμων ἢ παραυτίκα γεγονός καὶ, ὡς εἶπεῖν, πρόχειρον, ἢ μᾶλλον ὑπόχειριον. *Etymol. Magna:* ὑπόγειον, παρὰ τὸ γυίον, ὃ σημαίνει τὸ μέρος,

Сокр. Съ чего ты ¹ взялъ, добрякъ? У каждаго изъ нихъ Д. рѣчи заранѣе готовы; да объ этомъ-то и безъ приготовленія говорить нетрудно. Вотъ еслибы надлежало хвалить Аѳинянъ въ Лакедемонѣ, или Лакедемонянъ въ Аѳинахъ; то, конечно, нуженъ былъ бы риторъ добрый, умѣющій убѣдить и представить предметъ въ хорошемъ видѣ: а кто подвизается среди тѣхъ, кого хвалятъ, тому хорошо говорить,—кажется, дѣло невеликое ².

Мен. Думаешь, нѣтъ, Сократъ?

Сокр. Конечно нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Мен. А думаешь ли, что ты былъ бы въ состояніи самъ сказать, еслибы надлежало и совѣтъ избралъ тебя?

Сокр. Да мнѣ-то, Менексень, нисколько неудивительно е. быть въ состояніи сказать; потому что у меня была неслишкомъ плохая учительница риторики, а такая, которая сдѣлала добрыми риторамъ и многихъ другихъ, и одного отличнѣйшаго изъ Эллиновъ, Перикла, сына Ксантиппова ³.

οἶον τὸ ἐγγύς τῶν μελλόντων, ἢ ἀπὸ τοῦ γυναικός, ὃ σημαίνει τὰς χεῖρας. Впрочемъ, смыслъ этого выраженія былъ бы еще яснѣе, еслибы вмѣсто: ἐξ ὑπογείου стояло ἐξ ὑπογείου; по крайней мѣрѣ русская поговорка: явиться какъ изъ подъ земли, выражаетъ такую же неожиданность явленія.

¹ *Σα χεῖρα τίς ἐλάβε, ὡ γαῖε;* Штальбомъ неправильно замѣчаетъ, что этотъ вопросъ имѣетъ здѣсь значеніе отрицательное, какъ у Римлянъ, quid ita? Нарѣчія πόθεν въ этомъ смыслѣ Греки не употребляли. Здѣсь обыкновенное опущеніе глагола λαμβάνειν. Πόθεν ἔλαβες, ὡ γαῖε.

² Сократъ высказываетъ ту мысль, что человекъ, плохо знающій свое дѣло, помогаетъ своему невѣжеству похвалами людямъ, которые должны быть его цѣнителями. Похвала имъ есть обаяніе, или очарованіе ихъ разсудка — нравственный опиумъ, подъ усыпительнымъ вліяніемъ котораго, людямъ хвалимымъ и самое глупое кажется чрезвычайно умнымъ, и самое постыдное представляется рѣдкою добродѣтелью.

³ Все это, конечно, должно понимать какъ шутку, которую Сократъ искусно прикрываетъ свой догматизмъ, выдавая себя за ученика Аспазіи въ наукѣ краснорѣчія. Такъ разумѣлъ настоящія слова Платона и Плутархъ (vit. Per. T. I, p. 638 B): ἐν δὲ τῷ Μενεξένῳ τῷ Πλάτωνος εἰ καὶ μετὰ παιδιᾶς τὰ πρῶτα γέγραπται, τοσοῦτόν γε ἱστορίας ἐνέστιν, ὅτι δόξαν εἶχε τὸ γυναικὸν ἐπὶ ρητορικῇ πολλοῖς Ἀθηναίων ὀμιλεῖν. Объ Аспазіи, женщинѣ рѣдкой красоты и гибкаго ума, упоминаетъ и Ксенофонтъ (Mem. II, 6) и называетъ ее учительницею Перикла и Сократа, но конечно иронически, *Weiskius ad loc. Xenoph. Memorab.* Впрочемъ, сравн. *Max. Tur.* XXIV, p. 461. XXXVIII, p. 225.

Мен. Кто же она? Впрочемъ явно, что ты говоришь объ Аспазіи.

Сокр. Говорю также и о Коннѣ ¹, сынѣ Митровіевома. Они
236. оба были моими учителями. Послѣдній училъ меня музыкѣ, — а первая риторикѣ. Такъ человекѣ, такимъ образомъ воспитанному, нисколько неудивительно быть сильнымъ въ словѣ. Нѣтъ, и тотъ, кто воспитанъ хуже меня, кто музыкѣ учился у Лампра, а риторикѣ у Антифона рамнусійскаго, — и тотъ, однакожъ, былъ бы въ состояніи прославить Аѳинянь-то, хваля ихъ среди Аѳинянь.

Мен. Что же имѣлъ бы ты сказать, еслибы надлежало тебѣ говорить?

Сокр. Самъ по себѣ, можетъ быть, ничего. Но я только
В. вчера слышалъ, какъ Аспазія произнесла надгробную рѣчь на этотъ самый случай. Вѣдь и она слышала о томъ, что ты говоришь, что, то-есть, Аѳиняне намѣрены избрать человекѣ для произнесенія рѣчи, и частію мнѣ тогда же объяснила, что надобно говорить, частію указала на прежній опытъ изслѣдованія, когда слагала ту надгробную рѣчь, которую произнесъ Периклъ, склеивъ нѣкоторые изъ ней отрывки.

¹ Конна Сократъ и въ Эвтидемѣ (р. 272) называетъ своимъ учителемъ музыки, и какъ тамъ, такъ и здѣсь говорить о немъ иронически. Шлейермахеру кажется страннымъ, зачѣмъ Сократу, говоря о своей учительницѣ риторики, вздумалось вспомнить и о своемъ учителѣ музыки. Это представляется ему до того нелѣпнымъ, что онъ первую, или разговорную часть Менекеена почитаетъ подложною: — заключеніе слишкомъ скорое и опрометчивое. Я думаю, напротивъ, что Сократу не было ничего естественнѣе, какъ по Аспазіи, *per combinationem idearum*, вспомнить о Коннѣ, такъ какъ объ эти личности представлялъ онъ своими наставниками и объ дѣлалъ предметомъ одной и той же ироніи. Но что его мнѣніе объ этихъ лицахъ надобно разумѣть въ смыслѣ ироническомъ, видно даже и изъ того, что Аспазію ставитъ онъ выше Антифона, а Конна выше Лампра; тогда какъ извѣстно, что Лампръ во всей Греціи почитаемъ былъ музыкантомъ превосходнѣйшимъ. *C. Nepot. Eraminond. c. 2. Plutarch. de music. T. II, p. 1142. Athen. II, 6.* Посему несправедливо порицаетъ Платона и Атений (XI, р. 506), будто онъ въ этомъ мѣстѣ унижаетъ Лампра и Антифона; между тѣмъ какъ о нихъ имѣлъ высокое понятіе и Фукидидъ (I. VIII, с. 68). Принимая сравненіе Сократа въ смыслѣ ироническомъ, мы видимъ, что Платонъ не только не унижаетъ этихъ мужей, а напротивъ, знаменитость ихъ понимаетъ какъ дѣло уже извѣстное, запечатленное общимъ приговоромъ всей Греціи.

Мен. А помнишь ли ты, что говорила Аспазія?

Сокр. Чтобы мнѣ не помнить ¹? вѣдь когда я учился у ней, тогда за свою забывчивость едва ли не получалъ ударовъ.

Мен. Почему же бы тебѣ не пересказать?

С.

Сокр. Да какъ бы не разсердилась на меня учительница, если перескажу ея рѣчь.

Мен. Нисколько ², Сократъ; скажи, и ты доставишь мнѣ большое удовольствіе,—Аспазіиною ли угодно тебѣ почитать эту рѣчь, или чьею бы то ни было, только скажи.

Сокр. Но, можетъ быть, ты будешь смѣяться надо мною, если тебѣ покажется, что я, старикъ, еще ребячусь ³.

Мен. Нисколько, Сократъ; непременно скажи.

Сокр. Да ужъ надобно доставить тебѣ это удовольствіе — почти такъ же, какъ я доставилъ бы тебѣ его, еслибы ты при- Д. казалъ мнѣ раздѣться и плясать ⁴, потому что мы наединѣ. Слушай же. Она, если не ошибаюсь, начала свою рѣчь отъ самихъ умершихъ, и говорила такъ: Они на дѣлѣ ⁵ у насъ имѣ-

¹ *Чтобы мнѣ не помнить*—*εἰ μὴ ἀδικῶ γε*, т.-е. *δίκαιος αἰεὶ λέγειν*. Это — идиотизмъ, у Платона встрѣчающійся во многихъ мѣстахъ. De Rep. X, p. 608 D. Charmid. p. 156 A. По-русски всего ближе соотвѣтствуетъ ему про- стонародное выраженіе: если не положу на себя охулки.

² *Нисколько*—*μὴδαμῶς*, то-есть *τάυτα δειλῆς*. См. Phædr. p. 236 E.

³ *Еще ребячусь*. Здѣсь глаголь *παίζειν* выражаетъ не шутку; потому что въ этомъ случаѣ шутить было не надъ чѣмъ.—а ребячество, т.-е. дѣло, при- личное дѣтямъ, пересказывающимъ чужое, передающимъ кому-нибудь слышан- ный урокъ.

⁴ *Раздѣться и плясать*. *Ὀρχήσασθαι* значить не просто скакать, но въ ска- канъ сохранять тактъ, или производить движенія измѣренныя. *Jacobs. ad Achill. Tat. 44, 15.* Изъ этого понятно, что такое—раздѣвшись, плясать. *Suidas: Ἀποδύντες ἀπὸ τοῦ ἀποδυάμενοι, ἀπὸ μεταφορῆς τῶν ἀθλητῶν, οἱ ἀποδύνται τὴν ἐξώθεν πτολήν, ἵνα εὐτόμως χορεύωσιν.* Поэтому *ἀποδύντα ὀρχήσασθαι* значить плясать, не обнаживши тѣло, а только снявши верхнее, широкое платье, чтобы оно не скрывало искусственныхъ движеній тѣла и не препятствовало производить ихъ. Зная это, нельзя безъ удивленія читать мнѣніе Аста о на- стоящемъ мѣствъ Менекекса (*de vita et scriptis Platonis*, p. 449). *Wie kindisch und albern ist es, говоритъ онъ, wenn Socrat es sagt, dem Menexenus zu ge- fallen, wolle er selbst nackt tanzen!*

⁵ *Они на дѣлѣ у насъ имьютъ...* Съ перваго взгляда такое начало рѣчи кажется страннымъ, какъ это замѣтилъ еще *Dionys. de compos. verb. T. V, p. 116*, а особенно de *admir. vi Demosth. T. VI, p. 1028 sqq.*, ed. Reisk. Но должно замѣтить, что Сократъ съ умысломъ такъ начинается свою рѣчь, на-

ють то, что имъ прилично, что получивши, идутъ роковымъ путемъ, сопровождаемые городомъ вообще и домашними въ частности. Теперь и законъ велить, да и должно этимъ мужамъ воздать уже послѣднюю честь рѣчью; ибо память и честь хорошо совершенныхъ дѣлъ воздается подвизавшимся посредствомъ прекрасной рѣчи, произносимой слушателямъ. Но тутъ требуется какая-нибудь такая рѣчь, которая и достаточно хвалила бы умершихъ, и благопріятно уговаривала живущихъ, повелѣвая дѣтямъ и братьямъ подражать ихъ добродѣтелямъ, а отцовъ и матерей, и другихъ еще дальнѣйшихъ предковъ, если они остаются, услаждая утѣшеніями. Какая же рѣчь по-
 237. казалась бы намъ такою? Или съ чего правильно было бы начать хвалить доблестныхъ мужей, которые и въ жизни радовали своихъ добродѣтелью, и смерть вымѣняли на спасеніе живущихъ? Мнѣ кажется, и хвалить ихъ надобно такъ, какъ они родились добрыми, т.-е. по природѣ¹; а добрыми они родились потому, что родились отъ добрыхъ. Итакъ, сперва будемъ величать ихъ благородство, потомъ питаніе и образованіе², а затѣмъ—укажемъ на совершенныя ими дѣла, сколь пре-
 В. красными и достойными своихъ совершителей оказались они.

омѣшливо подражая софистическимъ приемамъ ораторовъ, которые установленное закономъ общественное погребеніе убитыхъ воиновъ называли *ἔργον*. См. *Thucyd.* II, 46. *Εἴρηται—λόγῳ κατὰ τὸν νόμον, ὅσα εἶχον πρωτοφῶρα — καὶ ἔργῳ οἱ θαπτόμενοι τὰ μὲν ἤδη κεκοσμηται κ. τ. λ.*

¹ Родились добрыми, то-есть по природѣ. Греки всегда весьма много приписывали происхожденію. Отъ раба, по ихъ убѣжденію, че могло произойти природы свободной; и наоборотъ—свободный афинскій гражданинъ, по природѣ, рождаеть дѣтей способныхъ судить и совѣтовать. Но вполѣдствіи, когда эти совѣтники начали имѣть въ виду не столько общее, сколько частное свое благо, и когда здравая философія за это укоряла ихъ, они, для оправданія себя, стали уже различать между дѣйствіями естественными и дѣйствіями законными, и говорили, что законъ — тираннъ и что надобно слѣдовать только природѣ, а голосъ природы узнавали большею частію по происхожденію. Кто, то-есть, родился отъ добрыхъ родителей, тотъ объявлялъ право на уваженіе, какъ гражданинъ добрый по природѣ, а закона и законодателей не хотѣлъ знать (*Plat. Gorg.* 491 E. 492).

² Питаніе и образованіе — *τροφὴν τε καὶ παιδείαν*. *Παίδεια* и *τροφή* различаются какъ образованіе и родъ жизни. См. *Phædr.* p. 107 D. *Phileb.* p. 55 D. *Tim.* p. 19 D. *Crit.* p. 50 D, et al.

Первымъ основаніемъ ихъ благородства служить родъ ихъ предковъ, не пришлый¹ какой, а потому потомки ихъ оказываются не переселенцами въ этой странѣ, пришедшими откуда-нибудь, а туземцами, которые обитаютъ и живутъ дѣйствительно въ отечествѣ, вскормлены не мачихою, какъ другіе, а матерью² страны, гдѣ жили, и теперь, по смерти, лежатъ³ въ домашнихъ пріютахъ матери, ихъ родившей, вскормившей и воспринявшей. Итакъ, весьма справедливо напередъ почтить эту мать, ибо такимъ образомъ будетъ почтено вмѣстѣ и благородство ея сыновъ. Эта страна достойна того, чтобъ ее хвалили всѣ люди, а не мы одни, — достойна и по другимъ многимъ причинамъ, но по первой и величайшей причинѣ той, что она любима богами. А что слово наше вѣрно, свидѣтельствуяютъ распря и судъ состязавшихся за нее боговъ⁴. Если же и боги хвалили ее, то не будетъ ли справедливо хвалить ее всѣмъ людямъ? Вторая похвала ей, по праву, та, что въ тѣ времена когда, вся земля производила и раждала различныхъ животныхъ, звѣрей и быковъ, — наша страна не выводила на свѣтъ дикихъ звѣрей и являлась чистою; изъ животныхъ выбрала и родила она человѣка — животное, превышающее всѣхъ прочихъ разумѣніемъ и одно признающее правду и боговъ. Великая сила этого слова состоитъ въ томъ, что та же земля произвела ихъ и нашихъ предковъ; ибо все раждающее имѣетъ пищу, годную для того, что отъ него

¹ Не пришлый — οὐκ ἐπιήλυς, по объясненію Тимея, οὐκ ἄλλοθεν ἐπεληληθῶς, τοῦτ' ἔστιν, οὐκ ὁ ἀλλοεθνής.

² Вскормлены не мачихою, какъ другіе, а матерью страны. Этимъ гордились многіе изъ Аѳинянъ. *Isocrat. Paneg.* с. 4: *μόνοις γάρ ἡμῶν τῶν Ἑλλήνων τῆς οὐτῆν τροφὴν καὶ πατρίδα καὶ μητέρα καλεῖσαι προσήκει.*

³ По смерти лежатъ — κεῖσθαι τελευτήσαντας. Здѣсь неокончательное стоитъ вмѣсто будущаго причастія, которое въ глаголѣ *κεῖμαι* не употреблялось. Надлежало бы сказать: *κεῖσομένους τελευτήσαντας*, или *τελευτήσαντας, ἵνα κεῖσωσι*. Но и эта форма также неупотребительна.

⁴ Судъ состязавшихся за нее боговъ. Ораторы, говоря объ аѳинскихъ древностяхъ, въ угоду своимъ гражданамъ, любили смѣшивать человѣческое съ божескимъ, историческое съ мифическимъ, и составили множество дивныхъ басенъ о началѣ аѳинскаго народа. *Lucian. Philos. pseud.* p. 328, T. II. О спорѣ Минервы и Нептуна за красоту Аѳинъ см. *Ovid. Metamorph. VI, v. 70 sqq.*

раждается ¹. Потому узнается и женщина, дѣйствительно ли родила она, или не родила, а только подложена, что для рожденнаго она не имѣетъ источника пищи. Такъ это—то удовлетворительное доказательство представляетъ и наша земля — наша мать, что ею рождены люди; такъ какъ она одна и пер-
 238. вая въ то время произвела человѣческую пищу — пшеницу и ячмень, чѣмъ прекрасно и въ совершенствѣ питается человѣческій родъ, доказывая, что родила это животное дѣйствительно она. Такія доказательства еще болѣе надобно прилагать къ землѣ, чѣмъ къ женщинѣ; потому что въ беременности и рожденіи не земля подражаетъ женщинѣ, а женщина — землѣ. И на этотъ плодъ земля наша не скупилась, но удѣляла его и другимъ; а потомъ своему порожденію даровала новое рожденіе, масло—помощь въ трудахъ. Вскормивши же и выростивши его до совершеннolѣтія, она привела къ нему правителей и учителей — боговъ, которыхъ имена здѣсь можно пропустить; ибо мы знаемъ, что они устроили нашу жизнь, преподавъ намъ первымъ, для ежедневныхъ нуждъ, искусства, и научивъ насъ, для охраненія страны, приобрѣтать и употреблять оружіе.

Бывъ рождены и такимъ образомъ воспитаны, предки этихъ умершихъ жили въ устроенной формѣ правленія, о которой слѣдуетъ кратко упомянуть; потому что форма правленія есть
 С. пища людей,—хорошая добрымъ, а противная злымъ. И такъ, необходимо показать, что жившіе прежде насъ вскормлены въ формѣ правленія хорошей, что чрезъ нее и тѣ были добры, и нынѣшніе, къ числу которыхъ относятся также умершіе. Вѣдь форма правленія и тогда и теперь — та же самая, аристократическая ², которою мы и нынѣ управляемся, и по боль-

¹ Такое же доказательство приводили и древніе Египтяне въ подтвержденіе своего убѣжденія, что первый человѣкъ родился въ Египтѣ. *Justin*. II, 1.

² *Форма правленія аристократическая*. Аристократія у Грековъ имѣла не такое значеніе, какое она получила впоследствии. Нашу аристократію можно назвать фамильною и наследственною; напротивъ, аристократія греческая была личная и опредѣлялась избраніемъ. У насъ аристократизмъ находится подъ покровительствомъ престола, а въ Греціи онъ покровительствуемъ былъ

шей части ¹ управлялись во все время. А называетъ ее—тотъ димократією, другой—какъ ему угодно; по истинѣ же, это— D. аристократія, соединенная съ одобреніемъ народа. Въдъ у насъ хотя всегда есть цари ², однакожь они бываютъ то природные, то избранные. Препеержащая сила города есть народная сходка; а начальствованіе и власть она всегда ввѣряетъ тѣмъ, которые кажутся наилучшими, и никто не отвергается ни по слабости, ни по бѣдности, ни по незнатности отцовъ, равно и человекъ съ противными качествами не удостоивается чести, какъ это бываетъ въ другихъ городахъ. Здѣсь—одно опредѣленіе: получать власть и начальство прослывшему мудрымъ и добрымъ. Причина же такой формы правленія у насъ E. есть равенство рода; ибо прочіе города составились изъ различныхъ и несходныхъ между собою людей; посему и формы правленія у нихъ несходны одна съ другою: тамъ бываютъ онѣ тиранскія, олигархическія; и люди въ тѣхъ городахъ живутъ, почитая себя—иные рабами, иные—господами другъ друга. Напротивъ, мы и наши, родившись всѣ, какъ братья, отъ одной матери, не хотимъ быть ни рабами, ни господами 239. одни другихъ; но равнородство по природѣ заставляеть насъ искать равнозаконности по закону, и никому иному не уступать, развѣ увлекаясь молвою объ умѣ и доблести.

народнымъ собраніемъ. De Rep. IV, p. 445 E. VIII, p. 545 D. Legg. III, p. 681 D. *Görling*. oratio de Aristocratia veterum in act. Acad. Jenens. Vol. I, p. 166 sqq. Посему Фукидидъ (Libr. II, 37), подобно многимъ другимъ, эту форму правленія называлъ димократією, хотя въ существѣ дѣла не разногласилъ съ Платономъ; ибо говорилъ, что афинская республика управляема была не тѣми, которые знамениты были по своему происхожденію, а тѣми, которые отличались личными достоинствами; отчего доступъ къ правительственнымъ мѣстамъ открывался не однимъ богатымъ, но и бѣднымъ гражданамъ.

¹ По большей части; ибо извѣстно, что форма правленія въ афинской республикѣ иногда измѣнялась, какъ это было во времена тридцати тиранновъ.

² Хотя всегда есть цари; царемъ въ Греціи назывался архонтъ, завѣдывавшій дѣлами священными и занимавшій второе мѣсто въ совѣтѣ архонтовъ. *Tittmann*, Darstellung der griechischen Staatsverf., p. 257 sqq. Судя по тому, что архонты, по словамъ Платона, бывали то природные, то избранные, можно думать, что здѣсь метонимически царями называются всѣ они, то-есть, архонтъ природный былъ царь въ собственномъ смыслѣ слова, а архонты избранные получали имя царей въ смыслѣ переносномъ.

Такимъ-то образомъ отцы ихъ и наши, и сами эти, благородные и воспитанные во всякой свободѣ, проявили много дѣлъ прекрасныхъ для всѣхъ людей,—проявили частно и обществомъ—въ той мысли, что для сохраненія свободы, должно сражаться съ Греками за Грековъ, а съ варварами за цѣлую Грецію. Теперь мало времени, чтобы достойно рассказать о войнѣ ихъ противъ Евмолпа ¹, Амазонокъ ², и другихъ, еще прежде угрожавшихъ нашей странѣ, и о томъ, какъ они помогали Аргивянамъ противъ Кадмеянъ ³ и Ираклидянамъ противъ Аргивянъ ⁴. О доблести ихъ довольно уже вспоминали и музыкально всѣмъ передали поэты. Если же и мы рѣшились бы прозаическимъ словомъ ⁵ украшать тѣ же подвиги, то,

¹ Краткое сказаніе Платона объ Евмолпѣ подробнѣе раскрывается у Фукидида (II, 15). Фукидидъ говоритъ, что Евмолпъ былъ вождь Элевзинянъ и велъ войну противъ аѳинскаго царя Эрехтея. Эта война называется элевзинскою. А Исократъ (Paneg. с. 19 и Panath. р. 533) повѣствуетъ, что Евмолпъ былъ сынъ Нептуна и что подъ его предводительствомъ Фракіяне вторглись въ Аттику, которая тогда была еще малосильна. То же самое рассказываетъ и Ликургъ (advers. Leosg. р. 210, T. VI, ed. Reisk.), прибавляя, что царь Эрехтей, по совѣту дельфійскаго бога, для изгнанія изъ земли враговъ, принесъ въ жертву жену свою Пракситею, дочь Кеѳисову, каковое злодѣйство потомъ воспѣто было Еврипидомъ въ прекрасныхъ стихахъ. Исократъ упоминаетъ также, что Евмолпъ принесъ въ Аѳины элевзинскія тайны (Paneg. с. 43).

² Амазонки, какъ рассказываетъ о нихъ Плутархъ (Vit. Theas., р. 86, ed. Reisk.), вышли изъ Понта, и проникнувъ даже въ Аттику, расположили свой лагерь въ самыхъ Аѳинахъ. Но мужество Тезея вскорѣ превозмогло ихъ. Объ этой войнѣ съ Амазонками упоминаетъ и Лизіасъ (Epitaph. р. 55, ed. Reisk.) и Амазонокъ называетъ дочерьми Марса, героинями съ великою душою. Однакожъ Аѳиняне, по словамъ Лизіаса, такъ поразили ихъ, что не осталось и вѣстницы, которая бы объ этомъ пораженіи дала знать своему отечеству. Плутархъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ также, что Амазонки вторглись въ Аттику, мстя за Антиопу, которую похитилъ у нихъ Тезей.

³ О войнѣ Аргивянъ противъ Кадмеянъ или Фивянъ, при помощи аѳинскаго оружія, упоминается у Геродота (IX, 27), а подробнѣе у Лизіаса (Laud. funebr., р. 59, ed. Reisk.).

⁴ Ираклидянамъ противъ Аргивянъ Аѳиняне помогали по тому случаю, что Евристей, потребовавъ отъ Аѳинянъ выдачи сыновей Геркулесовыхъ, которые пользовались ихъ покровительствомъ, и получивъ въ томъ отказъ, вторгся съ многочисленнымъ войскомъ въ Аттику. Впрочемъ Аѳиняне встрѣтили его мужественно и Тезей обратилъ его въ бѣгство (*Herodot. l. c. и Lysias, р. 65 sq.*)

⁵ *Прозаическимъ словомъ* — λόγῳ φιλῶ. Что λόγος φιλῶς есть дѣйствительно

можетъ быть, явились бы на второмъ планѣ. Итакъ, объ этомъ, по означенной причинѣ, мнѣ кажется, можно умолчать, хотя и это имѣетъ свое достоинство. Но о томъ, чего не бралъ за предметъ ни одинъ поэтъ и за что, хваля достойныхъ, не увѣнчалъ ихъ достойною славой, — что остается въ забвеніи, — о томъ, мнѣ кажется, надобно вспомнить въ похвальной рѣчи и вызвать другихъ, которые бы, соотвѣтственно дѣламъ, изложили это въ одахъ и въ иныхъ стихотвореніяхъ. Изъ дѣлъ, о которыхъ я говорю, первое мѣсто занимаютъ слѣдующія: D.

Когда Персы, владычествуя надъ Азіею, поработали и Европу, тогда удержали ихъ выходцы изъ здѣшной страны — предки наши; поэтому справедливость требуетъ вспомнить о нихъ первыхъ и восхвалить ихъ добродѣтель. Но кто намѣренъ хвалить хорошо, тому надобно говорить, вращаясь своимъ словомъ въ томъ времени, въ которое вся Азія раболѣпствовала уже третьему царю. Первый изъ нихъ, Киръ, освободивъ своимъ умомъ согражданъ своихъ, Персовъ, вмѣстѣ поработилъ и господъ ихъ Мидянъ, и овладѣлъ прочею Азіею до Египта; потомъ сынъ его завоевалъ Египетъ и Ливію, сколько она была доступна; третій же, Дарій, сухопутно распространилъ свое царство до предѣловъ скиѣскихъ, а на корабляхъ овладѣлъ моремъ и островами, такъ что никто не смѣлъ противиться ему, — поработаны были умы всѣхъ людей. Столь- 240.

ко-то великихъ и воинственныхъ народовъ покорено было персидскою монархіею! Выдумавъ предлогъ, будто мы имѣли замыслы въ отношеніи къ Сардамъ, Дарій обвинялъ насъ и Эретрійцевъ, и, на судахъ и корабляхъ, которыхъ было триста, послалъ пятьсотъ тысячъ войска ¹ подъ предводительствомъ

прозаическая рѣчь, видно изъ Платонова же выраженія *λόγους ψιλούς εις μέτρα τεθέντας*. Legg., p. 669 D. Такимъ же образомъ *μουσική* противопоставляется τῇ πεζῇ λέξει. (*Dionis. Halic. de compo. verbor. c. II.*)

¹ *Пятьсотъ тысячъ войска*. Эта война есть событіе исторически извѣстное. *Nepos. Miltiad. c. 4*. Но по показанію Непота: *hisque (Dati et Artapherni) Darius ducenta peditum, decem millia equitum dedit*, тогда какъ ораторъ ввѣрять имъ до пятидесяти мириадъ, или до пятисотъ тысячъ войска. Греческіе ораторы вообще, когда надлежало возвысить славу побѣды, любили увеличивать число неприятелей. *Lysias.*, p. 82, Reisk.

Датиса, сказавъ ему, чтобы онъ, если хочетъ имѣть голову на плечахъ, на возвратномъ пути привелъ плѣнныхъ Эрет-
 В. рійцевъ и Аѳинянъ. Приплывъ въ Эретрію, гдѣ изъ тогдаш-
 ныхъ Эллиновъ были люди, въ военномъ дѣлѣ знаменитѣйшіе
 и немалочисленные, Датисъ въ теченіе трехъ ¹ дней овладѣлъ
 ими, и прослѣдилъ всю ихъ страну такъ, чтобы никто не
 ушелъ. Пришедши къ предѣламъ Эретріи, воины его протя-
 нулись отъ моря до моря и, схватившись за руки, прошли
 С. чрезъ всю эту область, чтобы могли сказать царю, что никто
 изъ ней не ушелъ. Съ такимъ же намѣреніемъ изъ Эретріи
 прибыли они въ Мараѳонъ, думая, что имъ легко будетъ за-
 брать и Аѳинянъ, застигнутыхъ тою же самою необходимос-
 тію, какою и Эретрійцы. Между тѣмъ какъ то совершалось,
 а это предпринималось, никто изъ Эллиновъ не подавалъ во-
 мощи ни Эретрійцамъ, ни Аѳинянамъ, кромѣ Лакедемонянъ.
 Да и эти пришли въ послѣдній день сраженія; всѣ же прочіе,
 пораженные страхомъ, помышляя въ настоящее время о соб-
 D. ственномъ спасеніи, молчали. Вотъ тогда-то ² кто жилъ бы,
 такъ узналъ бы, каковы по доблести были Мараѳоняне ³,
 встрѣтившіе силу варваровъ, наказавшіе ⁴ за высокомеріе
 всю Азію и поставившіе прежде всѣхъ варварскіе трофеи,
 ставъ вождями и учителями другихъ, что персидская армія
 была не непобѣдима, и что всякая многочисленность и всякое
 E. богатство уступаютъ добродѣтели ⁵. Поэтому тѣхъ мужей и

¹ *Въ теченіе трехъ дней*,—по Геродоту, въ теченіе семи дней (VI, 102). Это опять риторическая ипербола

² *Вотъ тогда-то кто жилъ бы* — ἐν τούτῳ δὲ ἂν τις γενόμενος. Такъ часто употребляется δὲ, когда рѣчь обращается на преждесказанное. Въ подобныхъ случаяхъ оно, при меньшей точности выраженія, иногда опускается, но замѣнено быть не можетъ ни заключительнымъ οὖν или ἄρα, ни усиливающимъ γέ. Arol. Socr. p. 21 A. Symros. p. 184 E.

³ *Каковы Мараѳоняне*—οἱ Μαραθῶνι. Здѣсь, очевидно, опущенъ предлогъ ἐν, и опущеніе его въ подобныхъ случаяхъ бываетъ нерѣдко; напр., ниже p. 241 A. B. al. См. Wernsdorf. ad Himer. p. 58. Schaeff. ad Jambl. Vos. p. 698.

⁴ *Наказавшіе за высокомеріе*—κολασάμενοι τὴν ὑπερηφανίαν. Нехудо замѣтить здѣсь употребленіе κολασάμενοι вмѣсто κολάσαντες. Точно такъ же въ дѣйствительномъ значеніи принято κολάζεσθαι. Protag. p. 324 C. Aristoph. Vesp.

⁵ *Что персидская армія... уступаютъ добродѣтели*. Ὅτι οὐκ ἄμαχος εἶη...

называю отцами не только нашихъ тѣлъ, но и свободы, какъ нашей, такъ и всѣхъ, живущихъ на этомъ материкѣ; ибо взирая на сіе дѣло, Элліны отваживались на опасность и въ послѣдующихъ сраженіяхъ за свое спасеніе, и были учениками Мараѳонянъ. Итакъ, лучшую дань рѣчи надобно посвятить 241. выдержавшимъ морское сраженіе и побѣдившимъ при Саламинѣ и Артемизіи. Вѣдь о тѣхъ мужахъ иной могъ бы рассказать многое: какія выдержали они нападенія на сушѣ и на морѣ, и какъ эти нападенія были грозны; но я упомяну о томъ, что кажется мнѣ и того превосходнѣе, и что совершили они вслѣдъ за подвижниками въ дѣлѣ мараѳонскомъ. Мараѳоняне настолько лишь показали себя Эллинамъ, насколько можно было немногимъ отразить многихъ варваровъ на В. сушѣ: но на корабляхъ это было еще неизвѣстно; шла молва, что Персы и по многочисленности, и по богатству, и по искусству, и по силѣ, на морѣ непобѣдимы. Такъ то-то именно въ сражавшихся тогда на морѣ мужахъ достойно похвалы, что они разсѣяли страхъ, обуявшій Элліновъ, и заставили ихъ не бояться множества кораблей и людей. Такимъ-то образомъ прочимъ Эллинамъ пришлось принять урокъ отъ тѣхъ и другихъ,—и отъ пѣхотинцевъ мараѳонскихъ, и отъ моряковъ саламинскихъ,—и отъ тѣхъ на сушѣ, а отъ этихъ на морѣ на С. учиться и привыкнуть не бояться варваровъ. Третьимъ же я называю дѣло при Платеѣ,—третьимъ и по порядку, и по доблести, изъ дѣлъ, совершенныхъ для спасенія Грековъ; но оно было уже общее Лакедемонянамъ и Аѳинянамъ. Всѣ эти вой-

πᾶν πλῆθος.... ἀρετῇ ὑπαίκεσι. Здѣсь при одной и той же зависимости глаголовъ отъ союза ὅτι, первый глаголъ стоитъ въ сослагательномъ, а другой въ изъявительномъ наклоненіи; и такое измѣненіе наклоненій въ одной и той же конструкции случается нерѣдко, напримѣръ, Tim. p. 18 C. D. Gorg. p. 512 A. Protag. p. 355 A. al. Это происходило отъ того, что Греки обращали вниманіе не на внѣшнюю или грамматическую зависимость глаголовъ, а на логическое значеніе зависимыхъ выраженій. Напримѣръ, здѣсь выраженіе: «персидская армія была не непобѣдима,» имѣетъ значеніе только проблемматическое; а выраженіе: «всякое богатство уступаетъ добродѣтели,» есть аподиктическое, и потому глаголъ ὑπαίκεσι, не смотря на зависимость свою отъ ὅτι, поставленъ въ изъявительномъ наклоненіи.

ны отразили великое и страшное бѣдствіе, и за такую свою доблесть теперь нами восхваляются и будутъ восхваляемы D. въ послѣдующія времена потомками. Впрочемъ, и послѣ того многіе эллинскіе города были еще на сторонѣ варваровъ и говорили, что самъ царь думаетъ опять приняться за Эллиновъ. Такъ справедливо будетъ вспомнить намъ и о тѣхъ, которые дѣламъ первыхъ положили спасительный конецъ, изгнавъ все варварское племя и очистивъ море ¹. Это были тѣ, E. которые сражались на морѣ при Евримедонѣ ², вели войну противъ Кипра ³, плавали въ Египетъ и во многія другія мѣста. Вспоминая о нихъ, мы должны воздать имъ благодарность, что они заставили царя опасаться за собственное свое спасеніе, а не замышлять истребленіе Эллиновъ.

Но тяжесть этой-то войны противъ варваровъ истощила 242. весь городъ ⁴, хотя ведена была имъ какъ за себя, такъ и за прочіе одноязычные города. Когда же наступилъ миръ и нашъ городъ былъ почтенъ, — возстала противъ него (что въ отношеніи къ благополучнѣйшимъ изъ людей обыкновенно случается) сперва зависть, а за завистью ненависть. И это противъ воли поставило его въ войну съ Эллинами. Послѣ

¹ Это сдѣлали Аѳиняне, подъ предводительствомъ Кимона, разбивъ Персовъ при Платеѣ. Впрочемъ здѣсь ораторъ, кажется, умышленно является слишкомъ краткимъ, чтобы не высказать кое-чего для Аѳинянъ унижительнаго.

² Эта война происходила въ одно и то же время на морѣ и на сушѣ, и окончена блистательною побѣдою Аѳинянъ за 469 лѣтъ до Р. X. Подробно о ней говорить *Thucyd.* I, 100.

³ Экспедиція противъ Кипра была въ связи съ экспедиціею въ Египетъ и продолжалась шесть лѣтъ, т.-е. отъ 462 до 457 года. Овладевъ Кипромъ, Аѳиняне начали помогать своимъ оружіемъ египетскому царю Инару, сыну Псамметиха, противъ Персовъ, но сражались съ переменнымъ счастьемъ и въ продолженіе шестилѣтняго времени весьма многіе изъ нихъ погибли. Наконецъ Египетъ занятъ былъ персидскими войсками; а Инаръ, выданный измѣною, повѣшенъ на крестѣ. *Thucyd.* I, 104, 109, 110. *Lys. Epitaph.* p. 108.

⁴ *Истощила весь городъ*—*πάσα τῆ πόλις διηντλήθη*. Хотя это мѣсто не представляетъ различія въ чтеніяхъ, но членъ *τῆ* мнѣ представляется здѣсь излишнимъ. Членъ-то именно заставляя нѣкоторыхъ переводчиковъ выраженіе *πάσα τῆ πόλις* относить ко всѣмъ городамъ Греціи, чего связь мыслей отнюдь не допускаетъ.

сего, по случаю воспламенившейся войны ¹, Аѳиняне вступили въ сраженіе съ Лакедемонянами при Танагрѣ, за свободу Бѳотіи. Сраженіе колебалось; но послѣдняя битва рѣшила ^{В.} дѣло: одни отступили и удалились, оставивъ Бѳотянъ, которымъ помогали; а наши, на третій день одержавъ побѣду при Инофитахъ, справедливо возвратили несправедливо изгнанныхъ ². Они первые послѣ персидской войны, помогая воюющимъ за свою свободу Эллинамъ противъ Эллиновъ, явились мужами доблестными, освободителями тѣхъ, кому помо- ^{С.} гали, и за то легли первые въ этомъ памятникѣ, которымъ почтилъ ихъ городъ. Послѣ того, когда возгорѣлась война великая ³, и всѣ Элліны, вооружившись противъ Аѳинянъ, разоряли ихъ страну и воздавали имъ недостойную благодарность, — наши, побѣдивъ ихъ въ морскомъ сраженіи и взявъ у нихъ въ Сѳагіи лакедемонскихъ военачальниковъ, которыхъ могли бы умертвить, пощадили ихъ, отдали и за- ^{Д.} ключили миръ — въ той мысли, что съ единоплеменниками на-

¹ Первая война Аѳинянъ противъ Грековъ была съ Лакедемонянами за свободу Бѳотійцевъ. Поводъ къ ней подали Фиванцы дружескимъ отношеніемъ къ Ксерксу, и этимъ навлекли на себя ненависть всѣхъ, а особенно Бѳотянъ, — потому особенно Бѳотянъ, что Фиванцы просили Лакедемонянъ помочь имъ подчинить нѣкоторые города бѳотійскіе. Лакедемоняне съ удовольствіемъ обѣщали это и исполнили обѣщаніе, имѣя въ виду то, что облагодѣтельствованные ими Фивы будутъ передовымъ постомъ въ замышлявшейся тогда войнѣ съ Аѳинянами. *Diod. Sic. XI, p. 467, ed. Wess.*

² Фукидидъ объ этой войнѣ рассказываетъ нѣсколько иначе (I, с. 108). Лакедемоняне и ихъ союзники, говоритъ онъ, одержали побѣду надъ Аѳинянами, и послѣ большихъ потерь на той и другой сторонѣ, чрезъ Геранею и перешеекъ возвратились домой. Но Аѳиняне, чрезъ шестьдесятъ два дни послѣ сего сраженія, подъ предводительствомъ Мерониса, напали на Бѳотянъ и при Инофитахъ одержали надъ ними такую блистательную побѣду, что овладѣли ихъ землею, разрушили стѣны Танагры и взяли сто заложниковъ.

³ Ораторъ приступаетъ къ повѣствованію о пелопонезской войнѣ и, искусно умалчивая о ходѣ ея въ первые годы, когда для Аѳинянъ она была неблагоприятна, вдругъ переходитъ къ осадѣ и занятію Сѳагіи, или Сѳактеріи, что случилось уже на седьмомъ году борьбы двухъ сильнѣйшихъ республикъ Эллады, т.-е. въ 425 году до Р. Х.; а потомъ тотчасъ говоритъ о мирѣ, заключенномъ послѣ амфиполиской битвы, т.-е. въ 421 году; о войнѣ же сицилійской упоминаетъ будто объ особенной, хотя она, какъ извѣстно, была только продолженіемъ войны пелопонезской.

добно воевать до побѣды и не губить общаго блага Эллиновъ, потворствуя гордости своего города, а съ варварами—до истребленія ихъ. Тагъ достойны похвалы мужи, участвовавшіе въ этой войнѣ и положенные здѣсь ¹; ибо они показали, что тотъ несправедливо сомнѣвается, кто думаетъ, будто въ прежней войнѣ противъ варваровъ были не тѣ Аѳиняне,—лучше нынѣшнихъ. Да, ими здѣсь показано, что когда Эллада волновалась,—они, управляя войною, одерживали верхъ надъ вождями прочихъ Эллиновъ и, побѣждая ихъ, каждого отдѣльно, вмѣстѣ съ ними побѣждали варваровъ. Третья война послѣ этого мира была неимовѣрная и ужасная, въ которую умерли и легли здѣсь многіе и доблестные мужи. Многіе изъ нихъ поставили множество трофеевъ въ Сициліи, сражаясь за свободу Леонтинанъ, которымъ помогали, когда, для соблюденія клятвы ², приплыли въ тѣ мѣста, и когда, по далекости плаванія, городъ нашъ, поставленный въ затрудненіе, не могъ поддержать ихъ, и плававшіе, отъ этого пришедши въ отчаяніе, испытали бѣдствіе. Впрочемъ, враги ³ ихъ на войнѣ за свою умѣренность и добродѣтель заслуживаютъ гораздо больше похвалы, чѣмъ у иныхъ друзья. Многіе также изъ Аѳинянъ, въ морскихъ сраженіяхъ на Геллеспонтѣ, въ одинъ день забрали всѣ непріятельскіе корабли и одержали много другихъ побѣдъ ⁴. А что эту войну я на-

¹ *Положенные здѣсь.* Подъ этимъ здѣсь — *ἐνθάδε*—должно разумѣть *ἀκριβοῦς στήμα*, или, по схолиасту, *τὸ κλοῦμενον ἱερὸν στήμα*. *Thucyd.* II, 34. Керамикомъ называлось нѣчто въ родѣ храма, назначеннаго для всенароднаго воспоминанія объ умершихъ. Названіе взято отъ глиняной урны,—сосуда, въ которомъ сохраняемъ былъ прахъ умершаго.

² Аѳиняне издавна были въ союзѣ съ Леонтинцами и обязались помогать имъ. *Thucyd.* III, 86.

³ Эти слова оратора о великодушіи враговъ къ разбитымъ въ Сициліи Аѳинянамъ нисколько не оправдываются исторіею. Аѳиняне частію истреблены были, частію проданы въ рабство: великодушіе не оказано никому. Они и странно, съ чего бы оратору вздумалось хвалить Мессинцевъ, когда они всячески избѣгаютъ случаетъ говорить о чемъ-нибудь, что тогда дѣлало честь непріятелямъ отечественнаго его города. Судя по всему, можно съ вѣроятностію полагать, что эта похвала врагамъ Аѳинянъ внесена въ текстъ Платоновой рѣчи чужою рукою. Такъ думаетъ и *Lörs.* (*Plat. Menexenus*).

⁴ Говоря о забранныхъ Аѳинянами непріятельскихъ корабляхъ, ораторъ

валь страшною и неимовѣрною, — то назвавь потому, что прочіе Эллины, вступивъ въ состязаніе съ нашимъ городомъ, дерзнули отправить пословъ къ враждебнѣйшему царю, и этого варвара, котораго вмѣстѣ съ нами нѣкогда изгнали изъ Греціи, теперь сами по себѣ опять призывали на Эллиновъ¹, чтобы противъ нашего города собрать всѣхъ Грековъ и варваровъ. За то тутъ то и открылась его сила и доблесть. Когда полагали, что онъ сдѣлался жертвою войны, и что при Митиленѣ запертъ его флотъ, — вдругъ помощь изъ шестидесяти кораблей: на нихъ восходятъ эти самые, — и какъ мужи, по сознанию всѣхъ, отличнѣйшіе, побѣждаютъ враговъ и освобождаютъ² друзей; но, получивъ жребій недостойный, они не были вытащены изъ моря, и лежатъ здѣсь³. О нихъ помнить и ихъ хвалить должно всегда;

разумѣтъ корабли лакедемонскіе, которые посланы были въ помощь Хиосцамъ и Лесбосцамъ, замышлявшимъ отложиться отъ афинской республики. *Thucyd.* VIII, 9 sq: явно, что это дѣло ораторомъ очень преувеличено. Вообще, здѣсь разумѣются побѣды, одержанныя Алкивиадомъ по возвращеніи его въ отечество изъ Персіи.

¹ Разумѣются конечно Лакедемоняне, которые, по совѣту изгнанника Алкивиада, жившаго въ то время въ Лакедемонѣ и управлявшаго умами спартанскаго правительства, вступили въ союзъ съ Даріемъ Нотомъ и получили отъ него деньги на постройку флота, чтобы дѣйствовать имъ противъ Аѳинянъ. *Thucyd.* VIII, 15.

² Здѣсь ораторъ говоритъ о побѣдѣ Аѳинянъ при Аргинузскихъ островахъ, когда афинскій полководецъ Кононъ, желая подать помощь Мемимнѣ, вступилъ въ митиленскую гавань, но запертый въ ней съ сорока кораблями непріятельскимъ флотомъ, сразился съ лакедемонскимъ вождемъ Калликратидомъ и разбилъ его. *Xenoph.* Hellen. I, 6, 24. *Diod.* XIII, p. 602.

³ *Не вытащены изъ моря и лежатъ здѣсь.* Ксенофонтъ (Hellen. I, 6 sq) говоритъ, что Аѳиняне, павшіе въ сраженіи при Аргушнзскихъ островахъ, вопреки тогдашнему обычаю Грековъ, не вытащены были изъ моря, и за то многіе изъ афинскихъ полководцевъ были казнены. Между тѣмъ ораторъ, подтверждая это же самое, говоритъ однакожъ, что невытащенные лежатъ здѣсь (въ керамикѣ) Чтобы освободить текстъ отъ столь явнаго противорѣчія, Готтлеберъ полагаетъ, что предъ глаголомъ *κεῖται* пропущено *οὐ*, а Штальбомъ думаетъ, что слова: *οὐκ ἀναγρεθῆντες ἐκ τῆς θαλάττης*, либо произошли отъ глоссеми, либо выражаютъ шуточный *δῆμιος* самого оратора. Но эти ученые критики, конечно, не обратили вниманія на приведенныя нами въ предисловіи къ діалогу слова Фукидида, что въ керамикѣ приносимъ былъ одинъ покрытый одръ — для тѣхъ умершихъ воиновъ, которыхъ тѣла не были найдены на полѣ битвы. Смотри на этотъ одръ, ораторъ могъ представлять лежащими на немъ кости тѣхъ Аѳинянъ, которыхъ тѣла не были вытащены изъ моря.

- Д. ибо ихъ доблестію мы выиграли не только тогдашнее морское сраженіе, но и успѣхъ дальнѣйшей войны: чрезъ нихъ о нашемъ городѣ составилось мнѣніе, что онъ не можетъ быть побѣжденъ и всѣми людьми,—и это мнѣніе справедливо. Если же наши были побѣждены ¹, то побѣждены внутреннимъ несогласіемъ, а не другими. Отъ другихъ-то мы и теперь еще непобѣдимы, а побѣждаемъ самихъ себя и побѣждены сами отъ себя.
- Е. Послѣ сего, когда настала тишина и миръ ² съ другими,—у насъ возгорѣлась такая война домашняя ³, что еслибы людямъ суждено было возмущаться, то всякій желалъ бы, чтобы его городъ страдалъ не иначе какъ этою болѣзнію; ибо съ какимъ удовольствіемъ и дружескимъ расположеніемъ соединились между собою граждане и изъ Пирея, и изъ частей городскихъ, и, сверхъ чаянія прочихъ Эллиновъ, прекратили войну противъ
244. возмутителей элевзинскихъ ⁴! И причина всего этого не иная, какъ сродность, не словомъ, а дѣломъ доставляющая твердое и, по единоплеменности, братское дружество. Итакъ, надобно имѣть память и объ умершихъ другъ отъ друга во время сей войны, и просить ихъ, какъ можемъ, молитвами и жертвами, чтобы лежащіе здѣсь побѣжденные примирились съ побѣдившими, если только мы сами возстановили миръ между собою; ибо не злобою взаимною и не враждою были они затронуты,
- В. а несчастіемъ. Мы, живущіе,—сами свидѣтели этихъ бѣдствій. Принадлежа къ тому же роду, къ которому и они, мы про-

¹ Намекаетъ на пораженіе Аѳинянъ лакедемонскимъ полководцемъ Лизандромъ при Эгосъ-Потамосѣ. Намекъ легкій, нисколько неостанавливающій вниманія слушателей; даже не указывается мѣсто битвы. Такъ неприятно было Аѳинянамъ говорить и слышать о своихъ пораженіяхъ.

² Ораторъ указываетъ на постыдный миръ съ Спартою, по условіямъ котораго Аѳиняне должны были разрушить свои стѣны, свою гавань и не имѣть у себя больше двѣнадцати кораблей. *Хенорф.* Н. Gr. II, p. 68.

³ Ораторъ говоритъ о междоусобной войнѣ, которую велъ Тразибулъ противъ тридцати тиранновъ, или новаго правительства, установленнаго согласно съ условіями мира, заключеннаго съ Спартянцами. *Хенорф.* Н. Gr. 3. *Diod.* XIV, 661.

⁴ Противъ возмутителей элевзинскихъ; потому что тридцать олигарховъ, бывъ изгнаны изъ Аѳинъ, ушли въ Элевзину и тамъ старались собрать себѣ войско. *Хенорф.* I, 1 *Нероз* Траг. 2, 3.

щаемъ одинъ другому, что сдѣлали и что потерпѣли. Послѣ сего наступилъ у насъ совершенный миръ, и городъ наслаждался тишиною. Онъ простилъ варварамъ, которые, довольно пострадавъ отъ него, недостаточно отмстили за себя; но на Эллиновъ досадовалъ, помня, какъ, бывъ имъ благодѣтельствованы, они отблагодарили его, когда, соединившись съ варварами, истребили его флотъ ¹, который спасъ ихъ, и С. разрушили стѣны—за то, что мы отклонили разрушеніе ихъ стѣнъ. Поэтому нашъ городъ положилъ въ мысли не защищать Эллиновъ, —Эллины ли будутъ поработать ихъ, или варвары, —и такъ жилъ. Между тѣмъ какъ мы держались такой мысли, Лакедемоняне подумали, что мы, покровители свободы, пали, а потому теперь ихъ дѣло — поработить другихъ, и начали это. Но для чего долго рассказывать? Вѣдь не древнія и не за D. много лѣтъ случившіяся событія стали бы мы припоминать послѣ этого. Сами знаемъ, какъ первые изъ Эллиновъ—Аргивяне, Бэотяне, Коринѳяне, пораженные страхомъ, приходили просить защиты у города; и что всего удивительнѣе, даже самъ царь находился въ такомъ затрудненіи, что не оставалось ему ниоткуда болѣе ожидать спасенія, какъ отъ того города, который прежде старался онъ погубить ². И вотъ, еслибы кто захотѣлъ справедливо осуждать нашъ городъ; то E.

¹ Предписавъ миръ Аѳинянамъ, Лизандръ, по условіямъ этого мира, взялъ аѳинскій флотъ и, при рукоплесканіяхъ и радостныхъ кликахъ своихъ союзниковъ, смегъ его. *Plut. v. Lis. c. 15.*

² Тѣ событія, которыя здѣсь разумѣетъ ораторъ, выставлены имъ въ такомъ свѣтѣ, что болѣе благопріятствуютъ Аѳинянамъ, чѣмъ исторической истинѣ. Дѣло было такъ: Лакедемоняне, желая помочь Киру младшему противъ законнаго государя Персіи—Артаксеркса II, послали ему, подъ предводительствомъ Агезилая, значительный вспомогательный корпусъ. Артаксерксъ, не имѣя силъ противостоять этому войску, рѣшился дѣйствовать на Грековъ деньгами. Онъ отправилъ большія суммы разнымъ греческимъ республикамъ и побудилъ ихъ поднять союзную войну противъ Спартанцевъ, чтобы чрезъ то отвлечь Агезилая отъ его цѣли въ Азіи. Этотъ маневръ Артаксеркса удался совершенно: Аргивяне, Бэотяне, Коринѳяне и Аѳиняне объявили Спартѣ войну и вели ее очень успѣшно. Спартанцы, видя, что имъ не справиться съ союзниками, вызвали изъ Азіи Агезилая, который, возвратившись, остановилъ на сушѣ усѣихи непріятелей.

въ осужденіе его могъ бы справедливо сказать только то, что онъ всегда слишкомъ сострадателенъ и попечителенъ о слабомъ. Такъ то и въ тогдашнее время не въ состояніи былъ онъ утерпѣть и устоять въ своемъ словѣ—не помогать ни-
 245. кому поработаемому, кто обижалъ его, но склонялся и помогалъ и, подавъ помощь Эллинамъ, избавилъ ихъ отъ рабства, такъ что они были свободными до тѣхъ поръ, пока не поработили сами себя; помочь же царю онъ неотважился, стыдяся трофеевъ Мараѳона, Саламина и Платей, а позволилъ только ссылочнымъ ¹ и наемникамъ идти къ нему на помощь, и безспорно, спасъ его. Потомъ, возстановивъ стѣны и построивъ
 В. флотъ, онъ ожидалъ войны, и когда принужденъ былъ воевать,—вступилъ въ войну съ Лакедемонянами за Парійцевъ ².

Видя, что Лакедемоняне избѣгаютъ морскаго сраженія съ нашимъ городомъ, царь сталъ бояться его и старался отторгнуть отъ союза съ нимъ живущихъ на материкѣ Эллиновъ, которыхъ прежде предали ему Лакедемоняне ³, и за это обѣщался помогать своимъ оружіемъ какъ намъ, такъ и всѣмъ нашимъ союзникамъ; а такъ какъ на это они не согласятся, то и думалъ въ этомъ найти предлогъ къ возстанію. Но прочіе союзники обманули его ожиданіе: они соглашались предать ему живущихъ на материкѣ Эллиновъ; Коринѳяне, Аригивяне, Бвотяне и другіе условились и поклялись въ этомъ, если онъ дастъ имъ денегъ:

¹ Это, безъ сомнѣнія, надобно относить къ Конону, который, бывъ изгнанъ изъ Аѳинъ, тѣмъ не менѣе заботился объ освобожденіи своего отечества, и отправившись къ Фарнабазу, съ помощію его разсѣялъ флотъ Лакедемонянъ.

² Ни исторія, ни географія древне-греческаго міра не рѣшаетъ, что это были за Парійцы, за свободу которыхъ Кононъ воевалъ противъ Спарты. Филологи разнымъ образомъ измѣняли и объясняли слово Паріецъ: по мнѣнію *Дальмана* (I. с. р. 33), этимъ указывается на опустошеніе *Ферары*, лакедемонской колоніи въ Мессиніи (*Xenoph. Hellen. IV, 8, 7*), произведенное Конономъ и Фарнабазомъ. Но вѣроятнѣйшею кажется догадка Шенборна (*Ueber das Verhältniss von Platons Meneksenos zu dem epitaphios des Lysias p. XI*), что вмѣсто *ὑπὲρ Παρίων ἐπολέμει*, надобно читать: *ὑπὲρ πάντων ἐπολέμει*.

³ Это предательство Грековъ, жившихъ въ малой Азійи, персидскому царю совершено Лакедемонянами чрезъ Анталкида, чтобы положить предѣлъ успѣхамъ Конона на морѣ: поступокъ, оставившій самое черное пятно на политическомъ характерѣ Спарты.

одни только мы не дерзнули ¹ ни продать своихъ единоплеменниковъ, ни поклясться. Такъ-то вотъ благороденъ, свободенъ, твердъ, неиспорченъ и по природѣ враждебенъ варварамъ нашъ городъ! Это — Эллины чистые, безъ примѣси стихіи варварской. Не Пелопсяне, не Кадмейцы, не Египтяне, не Данайцы и не другія, по природѣ варварскія, а по закону эллинскія племена живутъ съ нами, но самые Эллины, несмѣшавшіеся съ варварами. Отсюда нашему городу врождена чистая ненависть къ природѣ чуждой. Однакожъ, не согласившись совершить постыдное и нечестивое дѣло—предать Эллиновъ варварамъ, мы опять остались одни: только теперь, пришедши въ такія обстоятельства, въ которыхъ прежде были побѣждены, при помощи Божіей, лучше повели войну, чѣмъ тогда; ибо, имѣя корабли и стѣны ², сохранили отъ войны и наши колоніи. Съ какою охотою старались отдѣлаться отъ ней и наши непріатели! Впрочемъ она тоже лишила насъ мужей доблестныхъ, изъ которыхъ одни погибли въ Коринѣѣ отъ мѣстныхъ неудобствъ, другіе—въ Лехеѣ—отъ предательства ³. Доблест-

D.

E.

246.

¹ Эту твердость и честность аеинскаго народа въ отношеніи къ анталкидскому договору историки мало цѣнятъ, или по крайней мѣрѣ проходятъ молчаніемъ; а между тѣмъ здѣсь-то именно положено сѣмъ послѣдующихъ несогласій и войнъ между Греками. Говорятъ, что одни Фиванцы отказались принять условія анталкидскаго договора, но и тѣ послѣ согласились (Лоренцъ I, 243); а о рѣшительномъ несогласіи Аеинянъ не говорятъ ни слова.

² Возстановленіе аеинскихъ стѣнъ произведено не по силѣ анталкидскаго договора, а независимо отъ него. Стѣны возстановлены Конономъ, съ помощію войскъ Фарнабаза и аеинскихъ союзниковъ въ Греціи, особенно Фиванцевъ.

³ Это предательство произошло слѣдующимъ образомъ. Благоразумнѣйшіе изъ Коринѣянъ не совѣтовали вступать въ войну съ Лакедемонянами и желали сохранить миръ, чтобы не лишиться плодовъ отъ засѣянныхъ полей. Узнавъ объ этомъ, Аргивяне, Бэотяне и Аеиняне стали бояться, какъ бы Коринѣяне опять не перешли на сторону Лакедемонянъ, и тайно умертвили главныхъ защитниковъ мира, а пятьдесятъ человекъ изъ нихъ сослали (*Diod. XIV, p. 709*). Сосланные пришли къ лакедемонскому вождю Приксилѣ и взялись провести его съ войскомъ внутрь стѣнъ, прилежащихъ къ коринѣскому порту Лехѣѣ. Получивъ его согласіе, они въ одну ночь приплыли къ берегу, и заняли это мѣсто (*Xenoph Ages. c. 2*). Тогда Бэотійцы и Аеиняне съ Аргивянами и Коринѣянами придвинули свои войска къ Лехеѣ и тотчасъ вторгнулись въ фортъ. Но Лакедемоняне мужественно отразили ихъ и удалились побѣдителями. *Xenoph. Hellen. IV, 2 et 4. Diod. XII, 33.*

ны были и освободившіе царя, и прогнавшіе съ моря ¹ Лакедемонянъ. Я напоминаю вамъ объ этихъ мужахъ, а вы должны восхвалить и украсить ихъ память.

- О дѣлахъ такихъ мужей, каковы здѣсь лежащіе, равно какъ и о другихъ, сколько ни умерло ихъ за отечество, говорено уже
- В.** было много прекрасныхъ рѣчей, но остается еще болѣе—прекраснѣйшихъ; ибо не достало бы многихъ дней и ночей тому, кто захотѣлъ бы прослѣдить все это. Итакъ, всякій человекъ ², помня о нихъ, долженъ передавать ихъ потомкамъ, чтобы они на войнѣ не оставляли мѣста своихъ предковъ и не отступали назадъ, побѣждаемые зломъ. Да я и самъ, о дѣти мужей доблестныхъ, какъ теперь прошу, такъ и въ другое время, когда бы ни случилось встрѣтиться съ вами, буду просить
- С.** васъ, буду напоминать и приказывать вамъ, чтобы вы были людьми самыми отличными. Теперь же считаю долгомъ сказать то, что внушали намъ отцы передавать остающимся, когда послѣдніе будутъ въ опасности подвергнуться какому-нибудь бѣдствію. Я выскажу вамъ, что слышалъ отъ нихъ самихъ, и что сами они, еслибы могли, судя по тогдашнимъ ихъ словамъ, сказали бы вамъ. Представляйте же, что они слышатъ мои завѣщанія. Вотъ слова ихъ.

- Дѣти! что у васъ были родители добрые, о томъ свидѣ-
- Д.** тельствуетъ настоящее торжество. Могли мы худо жить, но предпочли лучше хорошо умереть, прежде чѣмъ покрыли бы безславіемъ васъ и позднѣйшихъ потомковъ, прежде чѣмъ посрамили бы нашихъ отцовъ и весь прежній родъ, — предпочли въ той мысли, что кто срамитъ своихъ, тому—жизнь не въ жизнь, и что никто ни изъ людей, ни изъ боговъ не будетъ ему другомъ, — на землѣ ли онъ умеръ, или подъ землею. Итакъ,

¹ Говорится о Кононѣ и Тимоееѣ, которые разбили лакедемонскій флотъ при Книдѣ и возвратили Аѳинянамъ владычество на морѣ. *Nepos Corn.* 4.

² *Всякій человекъ, помня о нихъ, — μνησθῆναι... πόντ' ἄνδρα.* Полезно замѣтить, что πόντ' ἄνδρα точно также бываетъ употребительно въ соединеніи съ множественнымъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ *ἐκαστος*. *Matth.* § 302, потому что въ подобныхъ подлежащихъ единственнаго числа всегда разумѣются многія подлежащія.

помня наши слова, вы, если подвизаетесь и въ чемъ другомъ, Е. должны подвизаться доблестно, зная, что всѣ стяжанія и занятія безъ этого постыдны и худы. Вѣдь ни богатство не доставляетъ блага тому, кто приобрѣлъ его малодушно, — ибо такой богатѣеть другимъ, а не себѣ¹, — ни красота тѣлесная и сила не къ благообразію служатъ тому, кто трусливъ и золь, а къ безобразію, — ибо кто имѣетъ эти свойства, тотъ становится еще болѣе замѣтнымъ, когда обнаруживаетъ трусость. Всякое же знаніе, отдѣльно отъ справедливости и другой добродѣтели, представляется плутовствомъ, а не мудростію². 247. Посему и прежде, и послѣ, и во всякое время должны вы усердно стараться, какъ бы знаменитостію превзойти и насъ, и предковъ. А когда нѣтъ, — знайте, что если доблестію мы побѣдимъ васъ, эта побѣда покроетъ насъ стыдомъ; если же, напротивъ, будемъ побѣждены вами, — это пораженіе доставитъ намъ счастье. А особенно были бы мы побѣждены и вы побѣдили бы насъ тогда, когда бы оказались готовыми не злоупотреблять славою предковъ и не помрачать ея, зная, что для В. человѣка, имѣющаго о себѣ нѣкоторое понятіе, нѣтъ ничего постыднѣе, какъ выдавать себя почтеннымъ не за себя, а за славу предковъ. Честь предковъ³ для потомковъ есть, конечно, прекрасное и великолѣпное сокровище: но пользоваться этимъ сокровищемъ ихъ богатства и честей и, по недостатку собственныхъ своихъ стяжаній и славныхъ дѣлъ, не передавать ихъ потомкамъ — постыдно и малодушно. Если вы будете ста-

¹ *Богатѣетъ другимъ, а не себѣ*, — ἄλλοι γὰρ πλουτεῖ, καὶ οὐκ ἑαυτῶ. Это выраженіе переводятъ такъ: «богатѣетъ для другаго, а не для себя». Но принимая во вниманіе логическій смыслъ рѣчи, я хотѣлъ бы понимать его, какъ бы оно было въ формѣ предложенія: ἂν ἄλλοι γὰρ πλουτεῖ, καὶ οὐκ ἂν ἑαυτοῦ. Дательный безъ предлога можно встрѣчать нерѣдко. Напр.: Χερσίν ὑπὸ Πατρόκληο ἀρτυροῖσι II. II. 420.

² Эту самую мысль буквально выражаетъ Цицеронъ, Offic. 1, 12: Scientia, quae est remota a justitia, calliditas potius, quam sapientia est appellanda.

³ *Честь предковъ* — εἶναι τιμὰς γονέων. Все это выраженіе надобно принимать за нераздѣльное подлежащее, какъ бы сказано было: τὸ εἶναι τιμὰς γονέων; тогда понятно будетъ, почему далѣе стоитъ καὶ δὲ Σταταυρός, а не καλὸν Σταταυροῖν.

раться объ этомъ, то, какъ друзья наши, когда потребуетъ то-
С. го неизбежная судьба, перейдете къ намъ, друзьямъ: напро-
тивъ, кто пренебрежетъ насъ и обезчеститъ, того никто бла-
госклонно не приметъ. Да будетъ сказано это нашимъ дѣтямъ.

А отцовъ нашихъ, у кого они есть, и матерей всегда долж-
но увѣщавать, чтобы они какъ можно легче переносили слу-
чившаеся несчастіе и не присоединяли своего сѣтованія, —
ибо умершіе не имѣютъ нужды въ прибавкѣ плачущихъ, слу-
чившееся бѣдствіе и само будетъ достаточно для возбужденія
D. слезъ, — но были здравомысленнѣе и спокойнѣе, помня, что че-
го они просили себѣ, какъ величайшаго блага, тому самому бо-
ги и вняли. Вѣдь не безсмертія просили они своимъ дѣтямъ, а
доблести и знаменитости, — и дѣти получили эти величайшія
блага. Но чтобы все въ жизни смертнаго человѣка выходило по
его мыслямъ, — это нелегко. Мужественно перенося несчастія,
они, какъ отцы дѣйствительно мужественныхъ дѣтей, и сами
E. покажутся такими же; а поддавшись скорби, возбуждаютъ подо-
зрѣніе, что либо мы дѣти не этихъ отцовъ, либо хвалящіе насъ
ошибаются. Между тѣмъ не должно быть ни того ни другаго;
но тѣ, первые, пусть особенно хвалятъ насъ самымъ дѣломъ,
показывая въ себѣ по истинѣ такихъ отцовъ, которые являют-
ся мужами мужей. Вѣдь старинная пословица: ничего слиш-
комъ ¹, кажется, заключаетъ въ себѣ прекрасную мысль; ибо
это, въ самомъ дѣлѣ, хорошо сказано. У кого все, относящее-
ся къ счастью, или почти къ счастью, зависитъ отъ него са-
248. мого, а не отъ другихъ людей, которыхъ счастье или несча-
стие по необходимости увлекаетъ за собою и его судьбу; того
жизнь устроилась превосходно, тотъ разсудителенъ, тотъ му-
жественъ и благоразуменъ, тотъ, — прибываютъ ли деньги или
дѣти, или убываютъ, — остается вѣренъ этой пословицѣ и, вѣ-
ря ей, не будетъ слишкомъ ни радоваться, ни печалиться.
В. Этого-то требуемъ мы отъ своихъ, этого хотимъ и это гово-
римъ. Такими выставляемъ мы теперь и самихъ себя: не бу-

¹ *Ничего слишкомъ*: — *μηδὲν ἕγαν*. Эта пословица, которую приписыва-
ютъ Хилону, надписана была на дельфійскомъ храмѣ. См. Protag. p. 343 В.

демъ слишкомъ ни тревожиться, ни бояться, еслибы даже надлежало умереть въ эту минуту. Итакъ, просимъ и отцовъ нашихъ, и матерей, проводить остальную жизнь съ этою самою мыслию, и знать, что не слезами и стонами особенно доставятъ они намъ удовольствіе: напротивъ, — если умершіе сохраняютъ какое-нибудь чувство въ отношеніи къ живущимъ, этимъ возбудилось бы въ насъ скорѣе неудовольствіе, что, тяжело С. перенося несчастія, они безчестятъ себя; тогда какъ перенося ихъ легко и умѣренно, доставили бы намъ пріятное. Вѣдь наша жизнь тогда получить уже такую кончину, какая у людей почитается самою лучшею, такъ что ее приличнѣе украшать похвалами, чѣмъ оплакивать. Пусть они лучше примутъ на себя попеченіе о нашихъ женахъ и дѣтяхъ, кормятъ ихъ, и на это обратятъ вниманіе; а о несчастіи пусть забудутъ и живутъ какъ можно лучше, правѣе и для насъ благопріятнѣе. Для на- D. шихъ отъ насъ довольно этого завѣщанія; городу же приказали бы мы заботиться о нашихъ отцахъ и дѣтяхъ, послѣднимъ давая благонравное воспитаніе, а первымъ — достойную старцевъ пищу. Впрочемъ знаемъ, что хотя бы мы и не приказывали, городъ будетъ имѣть о нихъ достаточную заботливость.

Это-то, дѣти и родители умершихъ, поручили намъ они возвѣстить, — и я съ наивозможнымъ усердіемъ возвѣщаю, E. да и самъ прошу за нихъ, — прошу однихъ подражать своимъ, другихъ не беспокоиться касательно себя; потому что мы и частно и обществомъ будемъ снабжать вашу старость пищею, и имѣть о васъ попеченіе, гдѣ бы кому ни случилось встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ такихъ людей. А что касается до заботливости города о васъ, то вы и сами знаете, что закономъ положено пещись о дѣтяхъ и родителяхъ гражданъ, умершихъ на войнѣ, и что предписано высшему правительству ¹ 249.

¹ Подъ высшимъ правительствомъ разумѣется *ὁ πόλιμαρχος*, третій въ числѣ архонтовъ. На немъ лежали всѣ обязанности министра военныхъ дѣлъ. Онъ долженъ былъ заботиться не только о средствахъ веденія войны, но и, по свидѣтельству Поллюкса (VIII, 91, p. 910), о публичныхъ играхъ въ честь убитыхъ, равно какъ о призрѣніи ихъ дѣтей и родителей. *Wesseling ad Petit.*

отцовъ ихъ и матерей, преимущественно предъ прочими гражданами, охранять отъ обидъ. Дѣтямъ же городъ даетъ совмѣстное воспитаніе, всемѣрно стараясь, чтобы они не замѣчали своего сиротства. Для этого онъ, во время ихъ отрочества, становится имъ самъ вмѣсто отца, а когда наконецъ они достигаютъ мужескаго возраста ¹, посылаетъ ихъ на родину, украшенныхъ полнымъ вооруженіемъ ², и передавая ихъ па-
 В. мяти знанія отца, даетъ имъ орудія отцовской добродѣтели, въ родѣ предзнаменованія, что каждый изъ нихъ начнетъ управлять ходомъ дѣлъ у отческаго очага, облеченный оружіемъ силы. А чтить самихъ умершихъ городъ никогда не перестаетъ, но ежегодно ³ совершаетъ установленный закономъ празд-

р. 669. *Ulrian. in Timocr.* р. 445: «Ὁ πόλιμαρχος ἐπεμελεῖτο τοῦ τρίεσθαι ἐκ τοῦ δημοσίου τοὺς παῖδας τῶν ἀποθανόντων γενναίως ἐν τῷ πόλει». *Gottlieb.* Но Мейеръ (*de Lite Attica* р. 44, not. 47) полагаетъ, что для изясненія этого мѣста указывать на упомянутого архонта недостаточно.

¹ Достигаютъ мужескаго возраста, εἰς ἀνδρὸς τέλος ἴσων, т. е. εἰς ἀνδρὰς ἐγγράφονται. *Lobeck., ad Phrynich.* р. 212, поправляетъ: εἰς ἀνδρὰς τελέσωσιν. *Eis ἀνδρὰς τελεῖν* читается *Legg. XI*, р. 924 В. Но исправленія тутъ не требуется. *Loersius* ксати сносить *Epinom.* р. 992 D: εἰς πρεσβυτου τέλος ἀρικόμενος.

² Мысль оратора такова: дѣти воиновъ, достигнувъ осьмнадцатилѣтняго возраста, во время публичнаго праздника τῶν ἐφηβίων (см. *Meurs. Graciae Fegiatæ* р. 129) вписываются въ роспись эфебовъ, надѣваютъ плащъ — знакъ вступленія въ званіе воина, и носятъ его до двадцатилѣтняго возраста. Посему этотъ плащъ и былъ отличіемъ эфебовъ (*Hemsterhus. ad Poll. X*, 164). Принявъ его, эфебы въ продолженіе перваго года упражняются въ гимназіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомятся съ ходомъ дѣлъ общественныхъ; потомъ поставляются стражами пирейской крѣпости, или занимаютъ посты внѣ города и носятъ имя τῶν περιπόλων (*Terent. Eun. II*, 2, 59, interpr. ad *Thucyd. IV*, 62. *Petit. Legg. Attic. VIII*, 1, р. 654 sq.). Сюда относится замѣчательный отрывокъ изъ Аристотеля у Гарпократіона, р. 241: τὸν δεῦτερον ἐνιαυτὸν, ἐκκλησίας ἐν τῷ θεάτρῳ γενομένης ἀποδείξάμενοι τῷ δήμῳ περὶ τὰς τάξεις καὶ λαβόντες ἀπίδα καὶ δόρυ παρὰ τοῦ δήμου περιπολοῦσι τὴν χώραν καὶ διατρέβουσιν ἐν τοῖς φυλακτηρίοις. Послѣ же двадцати лѣтъ они получаютъ полное вооруженіе и поступаютъ на дѣйствительную службу. Это полное вооруженіе—πανοπλίαν—получали и тѣ, которые лишились родителей и воспитывались на счетъ общества. *Aeschin. adv. Ctesiph.* § 154, р. 372, ed. *Brem.* Эсхинъ (*de fals. legat.* р. 329) говоритъ, что и онъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, несъ должность стража въ крѣпости.

³ Дальманъ недоумѣваетъ, то ли надобно разумѣть подъ этими словами, что подобныя торжества совершаемы были каждый годъ, или они указываютъ на обычай Аѳинянъ—совершать погребеніе убитыхъ воиновъ каждую зиму,

никъ и дѣлаетъ для всѣхъ вообще то самое, что частно дѣлается для каждаго отдѣльно. Сверхъ того, онъ установилъ въ память ихъ гимнастическія, конскія и всякія музыкальныя ¹ игры. Просто сказать: въ отношеніи къ умершимъ отцамъ онъ принимаетъ жребій наслѣдника и сына, въ отношеніи къ дѣтямъ — жребій отца, а въ отношеніи къ родителямъ и родственникамъ — жребій попечителя, и имѣетъ попеченіе все, о всѣхъ и всегда. Размышляя объ этомъ, надобно спокойнѣе переносить несчастіе; ибо такимъ образомъ вы сдѣлаетесь любезнѣе и умершимъ и живущимъ, и вамъ будетъ легко какъ услуживать, такъ и принимать услуги. Теперь же и вы, и всѣ прочіе, по закону съобща оплакавши умершихъ, удалитесь. — Вотъ д. тебѣ рѣчь Аспазіи мелисійской, Менексенъ!

Мен. Клянусь Зевсомъ, Сократъ, ты можешь назвать Аспазію очень блаженною, если, будучи женщиною, она въ состояніи сочинять такія рѣчи.

Сокр. А если не вѣришь, слѣдуй мнѣ, и услышишь, какъ она говорить.

Мен. Часто встрѣчался я съ Аспазіею, Сократъ, и знаю, какова она.

Сокр. Что же? не удивляешься ей, однако благодарить ее за эту рѣчь?

Мен. Да и великую за эту рѣчь, Сократъ, приношу я благодарность — ей, или ему, кто бы ни сказалъ ее; прежде же многихъ другихъ, благодарю произнесшаго.

послѣдовавшею за тѣмъ лѣтомъ, въ которое ведена была война. Вѣроятнѣйшимъ представляется первое мнѣніе, когда этотъ самый панигирикъ, какъ сказано нами во введеніи, предписано было произносить ежегодно. Впрочемъ, надобно согласиться, что ораторъ говорить здѣсь *ὑπερβολικῶς*.

¹ И всякія музыкальныя игры — *καὶ μουσικῆς πάτης*. *Pollux.* III, 141: οὐ ράδιον λέγειν ἀγῶνας μουσικοῦς, ἀλλὰ μουσικῆς. Но почему такъ? Хотя *ἀγῶν μουσικῆς* читается *Legg.* VII, p. 825 A: τοὺς μουσικῆς ἀγῶνας, *ib.* XII, p. 947 E: ἀγῶνα μουσικῆς αὐτοῖς καὶ γυμνικῶν τε θήσουσιν *al.*; однакожъ нельзя оуждать и другой формы. *Thucyd.* III, 104: ἀγῶν ἱπποῖτο καὶ γυμνικὸς καὶ μουσικὸς; и далѣе: *μόουσικὸς ἀγῶν ἦν*. *Plat. Legg.* II, 658 A: εἰ ποτέ τις οὕτως ἀπλῶς ἀγῶνα θεῖη ὄντινου, μηδὲν ἀφορίσας μήτε γυμνικῶν μηδ' ἱππικῶν μήτε μουσικῶν; *ibid.* VIII, p. 828 C: χοροῦς τε καὶ ἀγῶνας μουσικοῦς. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ неловко было сказать *ἀγῶνας μουσικοῦς* конечно отъ прибавленнаго слова *πάσης*.

Сокр. Хорошо ; но не выдай меня, чтобы я и еще произнесъ тебѣ много прекрасныхъ ея рѣчей политическаго содержанія.

Мен. Не бойся, не выдамъ; только произноси.

Сокр. Такъ и будетъ.

